

**ЖИТИЕ СВ. ФИЛИППА НЕРИ,
ОСНОВАТЕЛЯ КОНГРЕГАЦИИ ОРАТОРИАНЦЕВ**

о. Джироламо Бернабеи

*Пер. с лат. Philippus Neri, fundator Congregationis Oratorii Romæ (S.), Vita a. Hiero.
Barnabeo ex MS. // AASS Maii T. VI, p. 524-649*

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА XI. КАКОЕ ПОСЛУШАНИЕ И ПОЧТЕНИЕ ОКАЗЫВАЛИ СВЯТОМУ ЕГО УЧЕНИКИ

[138] А с наибольшим тщанием Филипп заботился об том, чтобы приучить своих духовных чад к немедленному повиновению приказаниям; и Бог, всех благ Податель, содействовал исполнению желаний его. Действительно, все ученики были так послушны ему, что сколь угодно трудное и сложное приказание большинство из них были готовы сию же минуту исполнить. Поэтому, по свидетельству кардинала Таруджи, хотя ученики Филиппа и не были связаны обетом послушания, тем не менее, некоторые из могли сравниться в этой добродетели с древними египетскими монахами. Беседуя же как-то раз на эту тему с нашими, он сказал, что ни у одного из основателей иноческих орденов не было подчинённых, столь исполнительных и послушных, как большинство Филипповых чад. Это не было необдуманным преувеличением, ведь некоторые из твёрдо заявляли, что по его повелению прыгнули бы с высоты или добровольно бросились в огонь. И было мановение его или волеизъявление для них подобно божественному оракулу, а как слова его подтверждались жизнью, мы скоро узнаем.

[139] Однажды около некоего пруда святой муж беседовал с несколькими из своих учеников об этой самой добродетели, увещевая их повиноваться, даже когда это тяжело и трудно. Наконец он спросил: «Кто из вас настолько послушен и исполнитель, чтобы, если прикажут, прыгнуть в этот пруд?» Едва он сказал это, как один из них, даже не обдумав самих слов, с изрядной опасностью для себя бросился в воду; впрочем, остальные тотчас подбежали и вытащили его оттуда, целого-невредимого.

В другой раз, упражняя учеников в этой добродетели, он приказал трём другим из них пройти через самый людный квартал Города раздетыми и нагими; и когда они, разоблачившись, уже выходили, чтобы исполнить его распоряжение, он задержал их и молвил: «Довольно, оденьтесь».

Как-то раз он шёл через Колизей к госпиталю св. Иоанна Латеранского и увидел несчастного, лежащего в грязи и едва живого. Тронутый этим зрелищем, он велел одному из своих учеников (его звали Франческо) поднять человека, посадить его себе на плечи и отнести в больницу. Он ещё не кончил говорить, как тот взвалил умирающего себе на спину и понёс его в указанное место, хотя оно было далеко.

[140] У Цезаря Барония от бдений и трудов так испортился желудок, что он не мог даже чуть-чуть поесть без тяжких мучений и боли и так был склонен к головокружениям, что по распоряжению Филиппа не занимался ни молитвенными размышлениями, ни какими-либо другими упражнениями, требующими напряжения мысли. И вот однажды после обеда он, по своему обыкновению, явился к блаженному мужу, а тот ему и молвит: «Возьми-ка этот хлеб и лимон да съешь то и другое прямо сейчас!» Тогда Цезарь, хотя и не рассчитывал, что удастся сделать это без опасности для жизни, однако, положившись на добродетель послушания, осенил себя крестным знаменем и повиновался. Мало того, вернувшись домой (ибо он жил в то время при храме флорентинцев), Бароний по удару колокола спустился в столовую с остальными и с величайшей охотой поужинал, что не только не принесло ему вреда, но с того дня его ничуть не беспокоила голова, ни желудок.

К тому же, по свидетельству самого Барония, когда он в течение девяти лет по повелению Филиппа каждый день ходил в госпиталь Святого Духа ухаживать за больными, не раз получалось так, что он приходил туда, пылая от горячки, но по окончании трудов возвращался здоровым и бодрым.

На эту тему можно было бы привести и другие примеры, и их почти не счесть, ибо ничто не было столь часто в обиходе у святого мужа, как приучать своих духовных чад к этой добродетели, однако изложить письменно всё, что о нем говорят, –свыше сил человеческих.

[141] Кроме того, многие заметили: всё, что ни прикажет Филипп, стоит сделать, и тогда всё выйдет благополучно. Фабрицио де Массими, один из первых учеников блаженного отца, имел двух сыновей; и из-за долгой и тяжёлой болезни они в итоге дошли до такого состояния, что едва кусок могли проглотить. Так как состояние их было почти безнадежно, отец задумал перевезти их в подвластный ему городок (который называется Арсоли и расположен в двадцати восьми милях от Рима), однако все врачи были против, прежде всего потому, что дни стояли самые знойные; они прочили верную смерть его детям, если он решится на это.

И вот Фабрицио, озабоченный и обеспокоенный неопределённостью в способах лечения, обратился к Филиппу. А тот, в присутствии одного из тех самых врачей, совершенно открыто сказал ему, что нужно приготовить к завтрашнему дню носилки, отправиться вместе с детьми в Арсоли и ничего не бояться. Фабрицио послушался и на следующий день отправился с ними в дорогу. Им стало лучше в самом начале пути, а один из них ещё недалеко от Города перескочил с носилок на свою лошадь и успешно проехал остаток пути.

[142] Винченцо Крешенци, родной брат кардинала Пьерпаоло Крешенци, вместе с другими молодыми людьми зашёл к блаженному отцу, и, получив от него разрешение и благословение (поскольку он обычно не делал ничего, не посоветовавшись с ним), все направились к храму св. Франциска, расположенному на берегу Тибра. На обратном пути Винченцо сорвался с повозки на дорогу, вымощенную кремневыми камнями, и колесо проехало по его ногам, придавливая их. Спутники громко воззвали к небесам, единодушно решив, что всё у него разможено и переломано. А он вдруг встал целый-невредимый и вернулся домой пешком, возвещая во всеуслышание, что от беды его спасло повиновение воле блаженного отца.

А другой юноша из римской знати из чувства долга перед родственниками и друзьями был вынужден посещать званые пиры, где присутствовали также и знатные женщины, и всякий раз, когда делал это по Филиппову дозволению, не чувствовал никаких уязвлений похоти, а если поступал вопреки воле святого, они обычно восставали на него.

Маркантонио Маффа, о котором мы поговорим в другом месте, такое отвращение испытывал перед публичными выступлениями, что, по собственным словам, предпочёл бы выполнить самую тяжёлую работу, чем один раз держать речь в Оратории. Однако подчинился велению Филиппа и выполнил возложенную на него задачу так успешно, что[в дальнейшем] мало было равных ему в этом деле.

[143] С другой стороны, долгий опыт подтверждает, что каждому, кто оказывался невнимателен к словам Филиппа, всё выходило неудачно.

Франческо Мария Таруджи, человек в о всём остальном весьма послушный блаженному отцу, задумал было, возгоревшись благочестивым рвением, вставать в полночь на молитву, а отец не дал ему на то разрешения. Таруджи, однако, никак не мог согласиться с его мнением и после нескольких [безуспешных] просьб последовал в итоге собственному решению. И после одной-единственной ночи он почувствовал такое головокружение, что с тех пор в течение одиннадцати месяцев вынужден был вообще воздерживаться от молитвы.

Ещё и другой ученик Филиппа, увлекшись добровольным усмирением плоти, не посоветовавшись с блаженным отцом, ежедневно предавался самобичеванию, однако в конце концов почтение к святому дало о себе знать, и он изложил Филиппу свой замысел. Святой же, понимая, что это телесное упражнение не всегда件件 полезно, молвил: «Будь осторожен, впредь этим никогда не занимайся!» Но тот назойливыми просьбами добился этого у Филиппа; и тот в итоге сказал: «Я приказываю тебе бичевать тело раз в неделю!», и назначил день. Дивное дело! В скором времени ученик стал чувствовать от этого занятия такую досаду и тягость, что никак не мог творить по повелению то, что раньше без повеления исполнял не только без досады, но с превеликой охотой.

Один из учеников Филиппа помышлял о Неаполе, а другой – о Тиволи. Святой муж повелел им отложить отъезд, однако ни один из них не последовал его совету, и оба были наказаны за строптивость: первого сбросила лошадь, и он сломал себе бедро; второй выпал в море и едва-едва не утонул.

Пизанский юноша (имя которого мы намеренно не будем называть) вопреки возражениям Филиппа спутался с кем-то. Когда же отец проведал о том, молвил: «Это плохо кончится». Немного позднее несчастный напал на своего приятеля и убил его, а поскольку пустился в бега, то больше о нём ничего не слыхали.

[144] Да и не только в духовных, но и в мирских делах стоило повиноваться Филипповым словам.

Фабрицио де Массими, о котором мы упоминали немного раньше, вложил большую сумму денег под гарантии своей дочери Елены, а сам решил поехать в Арсоли. Итак, перед отъездом он навестил Филиппа, а святой муж молвил ему: «Прежде чем ты уедешь, заберите деньги – есть опасность потерять их». Он пренебрег советом отца, решив, что нужды в этом нет, ведь в то время его дочь была во цвете лет и обладала прекрасным здоровьем. Но сама плоть покарала его за строптивость: в начале сентября Елена заболела, а вскоре после того её жизнь оборвалась, и деньги были целиком потеряны.

Курцио Лодо из Аквилы, который несмотря на возражения Филиппа одолжил некоторую сумму денег, вскоре её лишился.

И наоборот, те, кто имел веру в слова блаженного отца, благодаря этому избегали немалых имущественных потерь.

Некий Доменико, кожевник, положил в банк двести золотых, которые, собственно, составляли все его сбережения. Позднее Филипп неожиданно молвил ему: «Поди-ка и беспромедлительно заberi эти деньги!» Тот повиновался – и спас свои сбережения, поскольку банкир вскоре разорился.

Точно такой же опыт пережили Лодовико Паризи, Франческо Фортини и Маркантонио Убальдини. Также и другие славные мужи, что решились было вступать с родственником в какое-либо предприятие, требующее изрядных вложений, по настоянию Филиппа воздерживались от этого, а через несколько дней родственник умирал и всё его имущество доставалось им по праву наследования.

В связи с этим можно было бы рассказать ещё больше случаев, но поскольку они явно не отвечают основной теме, мы решили их опустить.

[145] Так или иначе, слуга Божий сам давал яркий пример этой добродетели словом и делом. Ведь хотя он не был связан никакими иноческими обетами или уставами, а кроме того возглавлял Конгрегацию (по настоянию всех остальных), однако насколько глубоко послушание укоренилось в его сердце, можно понять хотя бы из того, что, как мы рассказывали вначале, он ни на волос не отступал от указаний и воли своего руководства в вопросах, касавшихся устройства Конгрегации, и был готов в любой миг уделить внимание насущным делам в общине и в мире.

Поэтому, если за ним приходил привратник или ризничий, он, отложив всё, тотчас же являлся [к посетителю]; и даже в самое неподходящее время встречал любого, кто его вызывал. Ибо «важнее, – молвил он, – послушаться ризничего или привратника, чем проводить время в комнате на молитве». А если кто-нибудь возражал, что, мол, нужно же в конце концов дать [священнику] время подготовиться к литургии, он отвечал: «Конечно, нужно, но лучшее приготовление для хорошего священника – это блюсти невинность жизни и нрава, тогда в любой миг, когда возникнет необходимость, он окажется готов к священнодействию».

Также и всякий раз, как болел, он был так послушен предписаниям врачей, что безучастно принимал любое лекарство, несмотря на то, что оно вызывало отвращение и рвотные позывы. Если бы ему запретили молиться, служить литургию или свершать таинство исповеди, он без всякого заpiresательства оставил бы всё это; как раз поэтому он с величайшей готовностью подчинялся воле врачев, даже когда они ему в течение сорока дней не позволяли творить молитвы Часов, которые на диво радовали его.

[146] Помимо того он оставил много наставлений на этот счёт, и прежде всего следующее: «Всем, кто желает благоуспешно ступать по пути Божию, подобает всецело верить своим вышестоящим, однако тем, кто не связан узами послушания, нужно приискать учёного и рассудительного мужа, которому бы они повиновались, как Богу, и открывали ему все тайники сердца своего, и ни о чём не принимали решения, не посоветовавшись с ним; и таком образом каждый как нельзя лучше обезопасит себя на последний день, дабы не пришлось давать отчёт за свою жизнь Вечному Судии». Он добавлял, что перед выбором духовника нужно серьёзно всё обдумать и усердно помолиться Богу; выбрав же, не следует оставлять его, кроме как по самым веским причинам – ибо у злого беса нет более важной заботы, чтобы

тех, кого он не может вовлечь в грехи потяжелее, хотя бы подтолкнуть к уходу от привычного и знакомого духовника, ведь он понимает, что таким образом много выиграет.

Ещё Филипп молвил, что эта добродетель –наикратчайший путь к совершенству; и считал тех, кто, связав себя узами послушания, ведёт общинную, хотя и менее аскетичную жизнь, куда выше тех, кто по собственному произволению прилежно упражняется в суровых подвигах; наконец, по его словам, послушание – это истинное всеожжение, приносимое Богу на алтаре сердца. Итак, он предпочитал, чтобы ученики его были в полной готовности повиноваться хотя бы по мелочам, ведь так они постепенно могут привыкнуть к заданиям более значительным и трудным.

Тут нельзя не упомянуть о презанимательном случае.

[147] Как-то раз святой муж послал своего духовного сына, римского аристократа Франческо делла Молара в обитель Милосердия, вручив ему ключи от своей комнаты. И вот, сколько бы Франческо ни пытался открыть дверь в неё, ему всё никак не удавалось. Уже вознамерившись вернуться в Валличеллу, он спустился было по лестнице, однако ему стало стыдно прийти обратно к отцу, не выполнив поручения. Тогда он снова поднялся в комнату и вставил ключи в замок, но зря: он не смог их даже повернуть на пол-оборота. По этой причине к Филиппу он явился не без смущения. А святой ему: «Иди, давай, дурашка, и открывай!» Он повиновался и, едва всунул ключи, как тут же увидел, что дверь-то не заперта! Когда он вскоре вернулся к Филиппу и выразил своё изумление, тот молвил ему: «Усвой, как важно слушаться сразу и без рассуждений!»

Он учил членов нашей конгрегации откладывать ради общих предприятий любые личные дела, в том числе и саму молитву; и усердно увещевал их ни в ризнице, ни в храме не держаться никаких предпочтений относительно времени, алтаря, облачений, но во всём полагаться на храмового смотрителя. Он добавил, кроме того, что истинно послушлив не тот, кто просто подчиняется вышестоящему, но немедленно исполняет его предписания без малейшего сомнения или рассуждения, будто невозможно и придумать ничего лучше и совершеннее того, что им приказано, пусть бы дело и представлялось иначе.

[148] Более того, когда [бывшие ученики, из тех], что по его настоянию перешли в[другие]иноческие сообщества, заходили к нему повидаться или по какой-либо иной причине, он увещевал их прежде всего вот к чему: даже если им думается, что в каком-то месте они могут посодействовать спасению ближних, а им всё-таки прикажут уйти в другое, нужно уходить туда – невозмутимо и благодушно, –хотя по их оценке они там нечего не достигнут; ибо это верный признак того, что Бог отнюдь не такого рода побед ожидает от них.

«И не только на то нужно обращать внимание, – молвил он, –желает ли Бог тех благ, которые мы задумали, но прежде всего на то, с нашей ли помощью угодно Ему [совершить их], таким ли образом и в то ли время, что мы задумали. Именно по всем этим [признакам]мы можем определить добродетель истинного послушания».

«Ну а те, кто принимает исповеди, – говорил он, – и легко может приучать духовных чад своих к послушанию, однако либо по нерадению, либо из-за оглядки на человеческие слабости упускают такую возможность, поступают в высшей степени неправильно». И ещё он указывал духовникам, чтобы они, вместо того, чтобы обременять кающихся телесными упражнениями, больше приучали их в силу того же послушания направлять свою волю, а равно и разум, на служение Христу.

ГЛАВА XII. О ЛЮБВИ ФИЛИППА К БОГУ

[149] Итак, мы проследили уже почти весь ход жизни Филиппа; теперь же, как бы возвратившись к началу, дадим смотр некоторым из наиболее важных высказываний и поступков его, распределив их по главам соответственно самым очевидным признакам.

А прежде всего поведём речь о его любви к Богу, ведь сердце его так ею пылало, что воспламеняло, казалось, и всё остальное тело, при этом часто, когда он молился, или литургисал, или иным святым делом был занят, с его лица и из глаз слетали какие-то искры.

И вот, палимый этим огнем, он то и дело падал в обморок, и часто, утратив силы, бывал вынужден ложиться в постель. А ещё бывало иной раз, когда он шёл с провожатыми по Городу, его охватывал его пламень небесный, так что у него вырывалось апостольское восклицание: «Хочу..!», но тут же, придя в себя, он прикусывал язык, чтобы не вымолвить остальных слов, то есть: «...разрешиться и быть со Христом» (ср. Флп. 1:23)

Помимо того, Иньяцио Фестини из Ордена проповедников, который когда-то юношей захаживал к Филиппу по утрам в обитель св. Иеронима, засвидетельствовал, что весьма часто заставлял его почти вне чувств, преисполненным некоей небесной улады, так что он вполне мог бы вместе с апостолом сказать: «Я исполнен утешением, преизобилую радостью» (2 Кор. 7:4), а со св. Ефремом: «Сдержи, Господи, поток благодати Твоей, и отступи от меня, ибо я не могу вынести безмерной улады Твоей!» Таковы были его слова. Другие о Филиппе часто сообщали то же самое.

[150] Например, неоднократно, входя в какой-либо храм, он чувствовал такой пыл духовный, что, опасаясь в воодушевлении этом впасть в экстаз, едва поклонившись Божеству, тотчас удалялся. Ибо там, где он позволял себе предаться молитве, сразу же отчуждался от чувств и замирал в бездвижности ума и тела с устремленным в небо взором; так что тем, кто взирал на него, казалось, что они видят перед собою второго Самуила или св. Мартина молящегося.

Хотя в глубоком созерцании он постигал глубочайшие истины Божии и испытывал дивное умиление духовное, однако же, поскольку ему хотелось истинно чтить Бога не ради самого себя (как он выражался), а ради любви единственно к Богу, он от всей души предпочёл бы обходиться при сем без всякого чувства и удовольствия, сиречь научиться «всему и во всем: насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке» (Флп. 4:12)

[151] Кроме того, из этой любви проистекало то необычайное преклонение и почитание, коим Филипп окружал святую Евхаристию. Благодаря сему, ещё будучи мирянином, он почти ежедневно после таинства Покаяния укреплялся Хлебом

небесным, а в чине субдиакона ощущал неимоверное наслаждение просто от самого прикосновения к священным сосудам; так что прямо-таки не мог выпустить их из рук. Приняв, наконец, священный сан, он, если позволяло здоровье, каждый день в одно и то же время совершал святое жертвоприношение; если же не [был в состоянии], то благоговейно принимал Тело Христово из рук других. В последнем случае он обычно причащался после полуночи, а чтобы было удобнее, в последние годы своей жизни он получил от Понтифика разрешение хранить Св. Дары поблизости от своей комнаты – в снаряжённой должным образом часовенке. Причастившись же с великим ликованием духа, он, покрыв лицо платом, долго и почти без перемены положения молился и, вбирая лучи божественного света, в некоем дивном умилении духовном общался с Отцом Небесным. Если же порой отцы по какой-либо причине вдруг чуть-чуть мешкали с этим, его охватывало столь мучительное беспокойство, что он никак не мог уснуть, пока ему не уделяли Святого Причастия.

[152] В год Христов 1577 Филипп, живший тогда в обители Милосердия, заболел, причём так тяжело, что врачи отчаялись в его выздоровлении. Когда он услышал в ночной тишине разносившийся по Городу звон монастырских колоколов, что, как обычно, призывали к утренним Хвалам, то попросил святого духовного подкрепления. Таруджи, сидевший при больном, тотчас услышал его слова, но, убеждённый, что волнение, вызываемое благочестивым пылом, и потоки слёз, каковые Филипп обычно проливал при причащении, могут лишить его сна, а вместе со сном и жизни, решительно запретил это.

Когда блаженный отец догадался, в чём дело, он, призвав Таруджи, открыл ему тайну своего сердца, молвив: «Знай же, я из-за того не могу сомкнуть глаз, что горячо жажду Евхаристии; сделай милость, распорядись уделить её мне, и увидишь, как я тут же засну. Сказано-сделано; и вот, вкусив спасительной жертвы и приняв животворящее лекарство, он тотчас уснул и паче всякого чаяния оправился от опаснейшей болезни.

В другой раз, ночью, когда он снова лежал больной в постели, Антонио Галлонио уделял ему божественное Таинство. Когда же он, взяв гостию, с торжественной благочинностью держал её в руках, отец, не вынося и мига задержки, молвил: «Что с тобою, Антонио, что ты держишь моего Господа в руках и не отдаёшь Его мне?» Галлонио глубоко растрогался и не мог сдержать слёз.

[153] Просто невероятно, каким горел он пылом духовным при божественной литургии! Поэтому, где у прочих мысли то и дело разбредаются на разные заботы, и только изредка, как по военному сигналу, сосредотачиваются, там ему приходилось нарочно искать отвлечения, ибо иначе в исступлении духа и отчуждении от чувств, он не смог бы завершить мессы. И хотя он сдерживал себя изо всех сил, однако Дух превозмогал, и порой Филипп вынужден был остановиться посреди священнодействия, потому что от дрожания его тела сотрясилось само основание алтаря. Также часто он восхищаем был из самого себя, так что требовался смотритель, который, схватив за край одеяния, должен был дёрнуть его и напомнить, какие действия осталось исполнить для завершения литургии. По этой причине, если ему приходилось литургисать публично, он не приглашал на помощь

никакого, кроме тех, кто хорошо знал его тайну; и кто при необходимости сразу мог его одёрнуть и помочь ему.

Помимо того, сии исступления были тончайшего свойства и отнюдь не сопровождались никакими нескладными телесными движениями. По этой причине все, бывавшие свидетелями подобного зрелища (только когда он был настолько вне [всего земного], что такого рода [наблюдения] никак не могли быть ему неприятны), проникались чувством преклонения и благоговения. Ибо они видели, как божественная любовь производит, по выражению Дионисия, экстаз, а раб Божий среди божественных таинств испытывает божественные [воздействия].

[154] Помимо того, во время самого Жертвоприношения, когда подходил миг возношения гостии, его дух ликовал, что воочию выражалось и телесно. И даже когда он был в расцвете лет и здоровья, его внезапно охватывала дрожь, из-за чего он не мог налить вина в чашу, кроме как опершись локтями на алтарь. И вот что удивительно: хотя чашу он использовал маленькую, а вина наливал не так уж и мало, при священнодействии ни капли, несмотря на дрожь, не выплёскивалось.

А когда он по обычаю поднимал всесвященную гостию, простёртые горе руки словно бы цепенели, и иногда он не мог опустить их. Из-за этого многомудрый муж старался совершать этот жест как можно быстрее, чего по той же причине придерживался и при причастии.

Когда он принимал Тело Христово, некая небесная сладость касалась его, и он вёл себя так, будто лакомился чем-то в высшей степени вкусным, по каковой причине он обычно выбирал для священнодействия гостии поплотнее, которые дольше сохранялись в нём в своём пресуществлённом виде (*sacratissimae species*), позволяя ему полнее вкусить сей всесвятии Пищи. В это время он выказывал некие удивительные чувствования, что засвидетельствовали те, кто прислуживал ему при литургии.

[155] Также и чашу спасения приняв (ср. Пс. 115:4), он так тщательно вылизывал её и осушал, что чуть не стёр края её, крепко прижимаясь губами и зубами. И это было причиной того, почему, священнодействуя, он приказывал службе стоять рядом так, чтобы не видел лица его; и не разрешал подавать воду для очищения прежде, чем даст знак о том.

Если же Филипп когда-либо священнодействовал в каком-либо приделе церкви, что вообще-то случалось очень редко (поскольку он имел обыкновение служить мессу у главного алтаря), то он не позволял стоять рядом с собой никому, кто мог бы хоть как-нибудь заметить, что он испытывает сии блаженные чувства. И хотя у него не вполне получалось совладать с пылом духовным, тем не менее, служа прилюдно, он намеренно старался не мешкать, заботясь о пользе окружающих, которые и сами иногда зажигались от него духовным пламенем, вызывавшим у них слёзы и воздыхания.

Если же святой, закончив благодарственные моления после мессы, возвращался в комнату и по дороге ему кто-нибудь попадался, то он этого совершенно не замечал, ведь он до того отчуждался от чувств, что на его бледном лице не было ни кровники, и он казался ни жив ни мёртв. Поэтому в последние годы своей жизни, приняв во

внимание мнение мужей выдающегося благочестия и учёности, он выходатайствовал от верховного понтифика Григория XIV разрешение служить мессу в отдельной часовне, примыкавшей к его комнате.

[156] Здесь же перед самым причащением Хлеба небесного, все присутствовавшие удалялись, а служка, зажегши какую-нибудь лампадку, гасил алтарные свечи, закрывал одну за другой оконные ставни и, как правило, запирали двустворчатую дверь, чтобы никто изнутри или снаружи не мог ничего услышать, и, наконец, на самом фасаде часовни вывешивалась табличка с надписью: «Тишина! Святой отец священнодействует!».

По прошествии двух часов с лишком служка, вернувшись, стучал в дверь, и если вдруг человек Божий никак не отзывался, спустя какое-то время возвращался снова и снова, пока отец либо голосом, либо звонком в колокольчик не подавал знака [что закончил]. Тогда, войдя, он открывал окна и зажигал свет, а месса благочинно завершалась.

Что святой делал наедине с Богом, какая услада и какие радости преисполняли его, когда он впадал в Его благословенные объятия, никто поведать не сможет. Однако большинство из тех, кто видел его в то время своими глазами, и слышал, и обследовал, рассказывали (мы тоже слышали это от них), что заставляли его в полном телесном и душевном изнурении – казалось, он вот-вот испустит дух.

[157] Когда же он сослужил при таинстве Евхаристии, совершаемом другими, его внезапно охватывало некое волнение, и тело его, к великому удивлению окружающих, целиком сотрясалось.

Однажды к нему пришла женщина, обращенная от иудейского неверия в христианскую веру, жена одного из тех, кто, как мы рассказывали выше, благодаря Филипповым трудам принял Христа, и когда она была готова принять из рук его тело Господне, увидела, как его внезапно охватила такая дрожь, что частицы небесного хлеба подпрыгивали над пиксидой, а сам отец, зардевшись в тот миг, как огонь, после причастия тотчас же побледнел, как будто ему стало дурно.

То же самое случилось с Неро дель Неро, флорентинским вельможей, о котором ещё нужно будет поговорить в другой раз. Когда он пришёл в наш храм и собирался принять Евхаристию из рук Филиппа вместе с архидиаконом Александрийской церкви (который в те дни исполнял посольскую миссию от патриарха той церкви к папе Клименту), вдруг увидел, что раб Божий под неким воздействием Духа так затрясся, что его правая рука и предплечье поднялись высоко над пиксидой. Неро, обеспокоенный этим, как можно почтительнее схватил святого за руку и крепко держал, пока не принял Таинство, поскольку боялся, что при таком сильном сотрясении, содержимое пиксиды может просыпаться (чего, впрочем, никогда не случалось – явно чудом). Позднее, когда он собирался уходить, отец, провожая, по своему обыкновению крепко обнял его и молвил: «Ну и ж и подогрел ты меня, Неро, нынче утром!», имея в виду, что он привёл к нему архидиакона Александрийского, мужа, весьма озабоченного защитой и распространением католической веры, прибывшего для обсуждения важных дел, и Филипп с величайшим пылом молился за него Богу, а потому и разогрелся сильнее обычного.

Также однажды, когда он преподавал Евхаристию Джулии Орсина Рангона, женщине замечательного благородства и набожности, замечено было, что та самая священная частица, которую он протягивал ей, поднялась из его пальцев в воздух, каковое зрелище вызвало величайшее изумление у всех.

Подобно же, когда он служил мессу в отдельной часовне, многие наблюдали, как он несколько поднялся над землёю: настолько исполнился он Божественного Духа, совершая сие Таинство.

[158] Более того, с тех пор он настоятельно побуждал всех своих учеников к участию в сем священнодействии, особенно же тех, кто, благодаря печати священства, уже мог приступать к алтарю, ибо он не переставал убеждать их каждый день (при отсутствии препятствий к тому) свершать литургическую жертву, что в те времена отнюдь не было распространенным явлением. И он молвил, что те, кто пропускают её с одним оправданием, что нужно отдохнуть и развеяться, совсем сбились с пути, ведь всякий, кто ищет отдыха вне Творца и утешения вне Христа, никогда, без сомнения, не найдёт его.

Впрочем, некоторых он иногда удерживал (как мы упоминали выше) от священнодействия, чтобы приучить их к смирению и послушанию; так же как некоторым, недавно облечённым в священный сан, не особо легко давал полномочия сразу приступить к свершению Божественной литургии, и благодаря этому они, день ото дня всё более и более проникались томлением по Хлебу небесному.

Он не только священников, но и мирян поощрял почаще участвовать в литургии, поэтому несколько из его последователей богобоязненно и благоговейно принимали тело Христово каждый восьмой день, большинство – во всякий праздник, иные – три раза в неделю, ну а некоторые – ежедневно. Благодаря сему паче всего плодоноснейшему установлению многие из них достигли столь совершенного жития, что оставили после себя необычайные примеры святости.

При этом Филипп хотел, чтобы таинство Покаяния принимали ещё чаще, и поэтому многие из его учеников, хотя и не приступали к Евхаристии каждый день, однако ежедневно очищали душу священной исповедью.

[159] В размышлении о Христовых страстях и мучительнейшей смерти, которою Он умер за спасение рода человеческого, Филипп упражнялся постоянно, и поэтому имел при себе бронзовый образок распятого Господа, снятого со креста, пред коим он щедро изливал своё сердце. Отсюда те слезы и горячайшее желание поехать в Индию, дабы воздать кровью за Кровь. Однако, поскольку не довелось, он в итоге обходился частичной заменой: всякий раз, когда у него текла кровь из носа или изо рта, он умолял Бога позволить ей течь до тех пор, пока этим хоть отчасти не воздастся за благодеяния Искупителя. И желание его действительно осуществилось: с некоторых пор он часто проливал такие объёмы крови, что наполнял ею целые миски; по этой причине у него иногда темнело в глазах, а иногда он оказывался на грани обморока. Кроме того, его предсмертные болезни были вызваны не чем иным, потерями крови. (Рассказывают, что именно это случилось с девой величайшей святости – Лютгардой (Авирсской (Тонгеренской), 1182 – 1246 гг., пам. 16 июня), которая, горячо желая пролить кровь во имя Христово, вымолила у Бога, чтобы

лопнувшая у неё на груди вена излила обильный поток крови, и услышала от Христа, что Он потому оказал ей таковую милость, что она столь горячо желала претерпеть мученическую смерть во славу Его имени.) Собственно, именно это дало нашим собратьям возможность изображать Филиппа [на молитве] в своей часовне в красных священнических облачениях, что должно знаменовать его пылкое стремление к мученичеству.

Под конец стоит упомянуть, что при произнесении пресвятого имени Иисусова он исполнялся какой-то невыразимой радости, а потому чрезвычайно часто его повторял, а молитву Господню и Апостольский символ веры читал с таким глубоким вниманием и усладою, что едва мог закончить.

ГЛАВА XIII. КАК ОН ЧТИЛ БОГОРОДИЦУ И СВЯТЫХ. КАК СООБЩАЛ БЛИЖНИМ ПЫЛ БЛАГОГОВЕНИЯ СВОЕГО

[160] А сразу после Бога чтит Филипп Пресвятую Богоматерь, Которая всегда была в сердце его и всегда на устах. Её-то и называл он своей Любовью, о Ней, единственной Раздавательнице всех божественных благодатей, повсюду рассказывал; и иногда даже называл Её, подобно нежно приластившегося дитяти, своей мамой; а молясь, часто с усладою проводил в беседе с Нею целые ночи.

Однажды, живя в обители Милосердия, он заболел, причём так тяжело, что по распоряжению врачей кто-то должен был постоянно дежурить при нём, чтобы он случайно не зашибся насмерть, упав [с кровати]. И вот однажды ночью, когда Джанантонио Луччи, о котором мы упоминали выше, вознамерился исполнить сей долг перед больным, он сильно засомневался, получится ли: в комнатке было тесно и крайне жарко, поскольку пора стояла знойная. Но вышло совсем иначе: ту ночь он бодрствовал с таким веселием духа, что, когда утром раздался удар колокола, возвещающий Ангельское приветствие, он подумал, что это звон вечерний, ибо во время долгого своего бдения он ничуть не томился и не чувствовал зноя. Вышло же так исключительно потому, что Филипп, думая, что за ним никто не наблюдает, всю ночь до рассвета общался с Богородицей Девой, словно бы она была рядом, говоря Ей слова нежнейшие.

[161] Кроме того, святой муж то и дело призывал её короткими молитовками, прежде всего этими: «Virgo Maria, mater Dei, deprecare Jesum pro me! Дева Мария, Матерь Божия, моли Иисуса за меня!» и «O Virgo, et Mater! О Дева и Матерь!» Притом он говорил, что, хотя эти моления, конечно, крайне коротки, однако помогают постигать и возвещать прекраснейшие истины о Пресвятой Деве. Из этих восклицаний он научил своих учеников сплетать как бы венчик для Девы, повторяя их шестьдесят три раза; и сам это делал.

Ну а что эта молитвенная формула была угодна Богу и Его Пресвятой Матери, подтверждается свидетельствами многих, кому она служила защитой от нападений бесовских, словно бы какая-нибудь освящённая ладанка. Был некий мирянин, член нашей конгрегации, душа которого искушалась мучительными сомнениями в безупречном девстве Богородицы, по причине чего он пришёл к блаженному отцу, открыл свою совесть и попросил об исцелении. Филипп не повелел ему ничего другого, кроме как читать вышеприведённые молитовки в виде венчика, и таким

образом он освободился от всяких душевных мучений не только в то время, но и в последующем.

[162] Он утверждал, что получил от Нее почти бесчисленное множество и других благ; а прежде всего то, что часто, молясь перед её образом, он чудесным образом получал защиту от нападений и устрашений бесовских. Поэтому он помнил о Богородице и всегда выказывал Ей благодарность, а при обсуждении постройки приделов нового храма прежде всего пожелал, чтобы главные тайны нашего искупления были в них изображены так, чтобы на каждом виднелся образ сей Девы. Отцы так вдохновились этим подходом, что, когда для общего почитания предстояло выставить уже образ Филиппа, всячески позаботились о том, чтобы разместить на нём и Богородицу, ибо знали, что в пламенной любви к Ней он был точно второй Бернардин Сиенский.

В то время, когда строился этот самый храм, руководивший строительством Джанантонио Луччи, разрушив почти все окружавшие его постройки, приказал оставить до завершения нового здания какую-то часть крыши, покрывавшей древнюю маленькую Валличеллу. Там находился древний образ Пресвятой Девы, и великим почитанием народа окружённый, и прославленный чудесами, который затем был перенесён с должным благоговением и почестями на главный жертвенник нового храма, где мы и чтим его ныне.

[163] Однажды утром Филипп срочно велел позвать Луччи, а когда тот немедленно явился, молвил: «Поскорее разбери ту старую крышу, потому что, как я самолично видел, она непременно рухнула бы нынче ночью, кабы Матерь Божия не поддержала её своими руками». Строитель повиновался и, тотчас же созвав мастеров, помчался на место и обнаружил, что балка, на которой держалась вся крыша, отошла от стены и повисла в воздухе без какой-либо опоры. Все присутствовавшие были взволнованы этим зрелищем и единодушно заявили, что так могло получиться только при вмешательстве свыше.

Наконец, среди других благ, которые Филипп получил от Богородицы Девы, не в последнюю, конечно, очередь следует упомянуть то, что Она изволила подарить ему храм, названный в Её честь, для того, чтобы вселюбящий сын ни на миг не был лишён гостеприимства Матушки своей; а также то, что за несколько дней до его ухода из жизни Она пришла к нему и тотчас же доставила исцеление в болезни (о чём мы расскажем в своё время), ибо при виде Её он чудесным образом окреп и проникся неизреченным умилением, а всё оставшееся время только и делал, что повторял, запечатлевая в душах учеников своих, слова: «Сыночки, Матерь Божию чтите, Марию любите!»

[164] Филипп не только Царицу всех святых, но и самих святых с величайшим благоговением почитал. Поэтому, сверх того, что уже было сказано, он в последние годы своей жизни каждый день настоятельно просил по несколько часов читать ему их жития; и с таким искренним восторгом слушал, а слышанное пересказывал, что прямо-таки оторваться не мог от этого занятия.

Чтил он наипаче св. Марию Магдалину, в канун праздника коей (как мы сказали в начале) явился на свет, а также святых апостолов Иакова и Филиппа (чьё имя носил); в их праздник он устраивал своего рода агапу и некий священный пир, когда

ученики Конгрегации получали несколько более обильное угощение, каковой обычай впоследствии распространился среди наших членов, и этот день отмечали с особой торжественностью ежегодно.

А в самые важные торжества он исполнялся особым пылом духовным и чувствовал особенно острое побуждение следовать по стопам Христа Господа и святых; и говорил, что те, кто не испытывает в сии дни никакого умиления и благоговения, наверняка весьма скудны надеждой на вечное спасение.

[165] Также и священные реликвии были у него всегда в высочайшем почтении, однако он не носил их с собой, и ученикам нелегко было получить от него позволение на это, потому, во-первых, что иногда им оказывается неподобающая честь и поклонение, а во-вторых, когда они при передаче от одних к другим проходят через разные руки, им то и дело по человеческой небрежности причиняются повреждения. Но если кто-либо из них вдруг выражал желание хранить ту или иную святыню в частном доме, окружив её почтением и благоговением, он отнюдь не возражал; более того, даже сам с величайшим страхом Божиим держал у себя в комнате мощевик, который после кончины его перешёл в руки Барония, и Бог совершил через него много чудес.

Это особое благоговение перед мощами святых Филиппом наиболее явственно проявил во время перенесения честных мощей преславных Христовых мучеников Папии и Мавра (пам. 29 янв.) из храма св. Адриана в нашу церковь. И поскольку это событие явно достойно упоминания, мы перескажем здесь его описание, что было дано очевидцем кардиналом Баронием, его же собственными словами.

[166] «Угодно было, – молвит он, – Его святейшеству Владыке нашему Сиксту V, Верховному понтифику (благодаря хлопотам Его высокопреосвященства Августина Кузано, кардинала-диакона вышеупомянутого храма, который с необычайно ревностной заботой всегда пекся о наших делах и неизменно пользовался благорасположением нашей конгрегации) дать указание на перенос честных мощей святых мучеников Папии и Мавра из титулярной церкви св. Адриана в нашу церковь св. Марии и св. Григория, называемую Валличелла и находящуюся в районе Париона. Причём всё, что было необходимо для такого торжества, было радушно представлено благодаря благочестивой опеке и щедрости сего высокопреосвященного иерарха.

Чуть ли не чудом Божиим случилось так, что после того, как церковь, заложенная в честь Матери Божией и св. Григория Папы, спустя много лет была с огромным трудом возведена и довершена, среди прочих замечательных особенностей в ней построили и прекрасную гробницу наподобие тех, где покоятся великомученики. И как раз в те дни явно по замыслу Божию эти мученики были вновь обнаружены – дабы по перенесении в церковь более просторную Город начал воздавать им большую (как и подобает) честь, а они сами – большие милости оказывать просящим. Мы видели их и приложились к ним, несмотря на наше недостойство, и лобызали их вновь и вновь, и 11 февраля 1590 года вместе с братьями с радостью приняли участие в перенесении, возложив себе на плечи их священный гроб.

[167] После того, как мы столько читали о мученических подвигах, весьма приятно и радостно было в тот последний день принимать столь замечательных римских

мучеников. Мы были счастливы приветствовать сих дорогих гостей, прибывших, чтобы остаться у нас навсегда; и были полны решимости чтить сих покровителей наших ещё усерднее и, с помощью божественной благодати, день за днём всё ревностнее свершать им молебны и службы. Притом сие праздничное шествие с мощами святых мучеников в величайшем благоговении встречали, спустившись до нижних ступеней церкви, высокопреосвященные кардиналы Св. Римской Церкви Афонс Джезуальдо Неапольский, кардинал-епископ Порту; Габриэль Палеотто Болонский, кардинал-епископ Альбано; Николай Сфондрати Миланский, титулярной церкви св. Цецилии кардинал-пресвитер Кремонский; Доминик Генуэзский, тит. ц. св. Лаврентия в Панисперне кардинал-пресвитер Пинелло; Ипполит, главный пенитенциарий и тит. ц. св. Панкратия кардинал-пресвитер Альдобрандино; Иероним Туринский, тит. ц. св. Петра-в-оковах кардинал-пресвитер делла Ровере; Сципион Мантуанский, тит. ц. св. Марии Народной кардинал-пресвитер Гонзага; Федерико Миланский, тит. ц. св. Агаты кардинал-диакон Борромео; Августин, тит. ц. св. Адриана кардинал-диакон Кузано (который, вняв велению Всесвятого, и передал мощи святых Филиппу Нери Флоренскому, префекту Конгрегации Оратория); Гвидон Болонский, тит. ц. свв. Космы и Дамиана кардинал-диакон Пеполи». Так об этом рассказывает Бароний

[168] Невозможно описать, с каким воодушевлением и радостью слуга Божий принял сей божественный дар. Вы бы видели, как он, ликуя не только душой, но и телом, носился туда-сюда по храму и врывался в плотную толпу, словно бы в исступлённой пляске. Наконец, рака была поставлена на алтарь, воздвигнутый посреди храма и украшенный роскошными покрывами; и там мощи святых мучеников четыре дня оставались открыты для приходящих богомольцев. Затем они были перемещены во святилище, и, наконец, в год нашего спасения 1599-й, 23мая, в день торжественного освящения храма, их поместили под главным алтарём, а головы, оправленные в серебро, и поныне хранимы с великим благоговением.

[169] Кроме того, особенно важным наряду со всеми теми дарами благодати, которыми Бог щедрой осыпал Филиппа, мне кажется, было то, что сей могучий пыл благочестия не удерживался только в нём одном, но распространялся и на ближних. Поэтому все, кто приходил к нему часто, как бы ни были они прежде теплохладны и далеки от благочестивого рвения, проникались пылом и постепенно разогревались духовно, ну а те, кто наоборот, [пренебрегали общением с ним], внезапно теряли запал и заметно охладевали.

Лавиния де Рустичи, знатная [дама из известного] римского рода, сначала не особенно почитала Филиппа, оспаривала его праведность и даже имя его (по словам Фабрицио де Массими, её мужа) слышать не могла. Когда наконец Фабрицио уговорил её сходить к слуге Божию, она была так пленена его обращением, что совершенно подчинилась его воле и, отбросив заботу о земном, завела обыкновение три раза в неделю, исповедавшись, причащаться Св. Таин и усерднейшим образом упражнялась во всяком благочестии, а посему во время молитвы она часто бывала восхищаема к Богу. Когда же через несколько лет она ушла из сей жизни, Филипп открыто засвидетельствовал, что она преставилась на небеса.

[170] Костанца де Драги-Крешенци вместе с Евгенией, служанкой своей, в день рождения святого Андрея Апостола присутствовала в нашем храме, где мессу, как

обычно, служил Филипп. И вот они внезапно воспылали неизреченным пылом духовным и почувствовали, как переполняет их огромное сокрушение и великое умиление. Тогда Костанца и молвит: «Ты понимаешь, Евгения, что это значит?» А та в ответ: «Конечно, понимаю». Позднее, обсудив это между собою, они пришли к полной уверенности, что это Филипп тогда вымолил им таковое воодушевление.

Блуждания помыслов сильно отвлекали Неро дель Неро во время молитвы, но когда он впервые оказался на литургии, совершаемой Филиппом, то обрёл такую способность сосредоточения на божественном, что сам обомлел от изумления; и впоследствии испытывал то же самое всякий раз, когда бывал на мессе Филиппа.

[171] Да и всем, кто молился с блаженным мужем, он сообщал такую отраду духовную, что для них часы пролетали, казалось, в мгновение ока. Некоторые даже без тени сомнения заявляли, что, если бы можно было молиться вместе с Филиппом, они с величайшей охотой посвящали бы молитве дни и ночи.

Однажды молились с блаженным отцом флорентинец Симоне Граццини и сиенец Алессандро Сальвио, одни из первейших его духовных чад, и с огромным удивлением обнаружили, что час для них прошёл, как единый миг. Поэтому они заявили, что будут постоянно пребывать в молитве и размышлении, если та небесная радость, которую они обрели, пребудет с ними также и в молитве. А когда они рассказали об этом Филиппу, он молвил: «Неудивительно, дети мои, ведь Бог поит вас молоком, как грудничков». И это часто переживали и они, и другие люди, молившиеся с Филиппом.

И при таинстве покаяния блаженный отец так возгорался огнём любви, что, казалось, целиком был охвачен пламенем – и даже уделял этот самый огонь любви другим, когда перед ним исповедовались. Происходило это, прежде всего при разрешительной молитве: в это время святой нежно обнимал кающихся и, прижав к своей отеческой груди, сообщал им неизреченную некую сладость.

[172] Об этом наряду с другими прекрасное свидетельство оставил Джованни Адзина из Марсико, который также был чрезвычайно привязан к Филиппу. Вот что он говорит: «Всякий раз, когда я входил в его комнату, меня внезапно охватывал трепет, хотя к святейшему старцу я приходил с величайшей охотностью. Когда я склонялся у ног его, а он касался моего бока, или моих волос, или моего уха, я чувствовал, как вспыхивает в мне жажда вечных благ, словно бы излилась на меня некая небесная благодать, и именно она вынуждала меня немедленно мчаться в храм – молиться».

С этим согласуется высокодостоверное свидетельство аббата Маркантонио Маффы, упоминавшегося нами ранее, который молвит: «Даже я, худший из всех смертных и без числа согрешивший, с тех пор, как узнал Филиппа, стал чтить его, как святого; и, насколько позволяли мои занятия, часто приходил к нему. Когда же он выслушивал мою исповедь и уделял благодать разрешения грехов, я с великим сердечным умилением совершенно явственно ощущал веяние святости, исходившее от него. По этой причине после исповеди я литургисал не иначе, как в глубоком благоговении и с обильными слезами, причём, когда я исповедовался другим, ничего такого не чувствовал.

Тысячи раз я, кроме того, поверял ему свои сердечные тревоги и искушения, которые смущали меня, а его советы и молитвы тотчас же возвращали мне утраченное душевное спокойствие. После же того, как он преставился на небеса, то всякий раз, как я от всего сердца молил его о помощи, так сразу же ощущал его близость, что меня самого нередко попросту изумляло. Ну и наконец, когда я однажды, а потом ещё раз служил литургию, облачившись в ту же казулу, которую он носил при жизни, то пролил море слёз».

Также и ряд других близких святому людей, клятвенно заверяли, что с ними многократно случалось то же самое.

ГЛАВА XIV. О ТОМ, КАКИМ БЫЛ НАДЕЛЁН ФИЛИПП ДАРОМ СЛЁЗНЫМ И МОЛИТВЕННЫМ

[173] Хотя здесь мы предполагали вести речь только о добродетелях Филиппа (ибо о дарах его мы намерены подробно рассказать позднее), но поскольку дар слёзный является самым заметным плодом благочестия, то вполне уместно будет именно сейчас поведать о том, как обильно он был им наделён. Ведь всякий раз, когда заходила речь шла о чём-нибудь достожалостном, он тотчас же заливался слезами; и если вдруг сталкивался с кем-нибудь, опутанным узами грехов, то, как второй Иеремия, вскрикивал в плаче и сетовании: «О, кто даст голове моей воду и глазам моим — источник слез! я плакал бы день и ночь о пораженных дочери народа моего» (Иер. 9:1). И кардинал Федерико Борромео засвидетельствовал, что, по его наблюдениям, святой в подобных случаях неоднократно причитал так горько, как какой-нибудь ребёнок, крепко битый родителями.

[174] Однажды слуга Божий уличил некоего вельможу, который во время исповеди стыдливо скрыл и утаил грехи свои. И вот, рассказав ему всё, что узнал только по откровению Божию, он снова и снова уговаривал его в дальнейшем поступать с духовником честно и искренне. А устремив на него взор и увидев перед собой человека, обличаемого совестью и раскрасневшегося, проникся Филипп такой жалостью, что не смог удержаться от обильных слёз и горьких рыданий, а одновременно снискал для него от Господа такое искреннее раскаяние, что тот тоже оказался не в силах противостоять плачу. Поэтому они оба довольно долго оба стояли, рыдая, так что и слова вымолвить не могли. Затем несчастный тот, отдышавшись и вновь обретя дар речи, пообещал немедля избыть в таинстве исповеди давно покрываемые молчанием прегрешения и просил у Филиппа молитв, кои, подобно священному якорю, [сулили ему надежду спастись от духовного кораблекрушения]. Слуга Божий по своему обыкновению нежно ободрил опечаленного к покаянию (ср. 2 Кор. 7:10) и утешил его доброй надеждой на прощение.

Поскольку же нежнейший отец в безмерной любви своей ещё не вдоволь наплакался, то удалился в уголок поукромнее и там на некоторое время дал волю слезам, кои доселе ещё как-то сдерживал. Тем временем грешник, смыв у своего духовника грязные пятна всей прошлой жизни, возвращается к Филиппу, а отец ему молвит: «Вот теперь у тебя другое лицо, и, право же, милое! Знай же: хотя я и не стал слушать твою исповедь, однако будь уверен, что Господь открыл мне все твои грехи

в подробностях». Тогда вельможа вновь стал в самых смиренных выражениях просить Филиппа, дабы он вымолил для него у Бога ещё более глубокое сокрушение, и тут же почувствовал, как в сердце у него пробуждается такое сокрушение, что больше и пожелать нельзя, при том что до знакомства с Филиппом он едва ли даже слышал о сокрушении.

[175] Если же слуга Божий заговаривал о чём-нибудь божественном, то потоки слёз весьма часто прерывали его речь, из-за чего ему приходилось либо смолкать, либо менять тему. И это было причиной того, что, когда он в личной беседе или публичной проповеди касался духовных предметов, то умышленно вставлял что-нибудь из высказываний или умозаключений философов, хотя это было в высшей степени чуждо его нраву.

Однажды Патрицио де Патрици, муж исключительного благородства и благочестия (за что Филипп к нему в высшей степени благоволил), пригласил его на обед в свои сады, и св. отец не отказался, хотя (как мы говорили) уже издавна обычно вкушал крошечный кусочек хлеба вместо обеда. С собой он привёл Марчелло Вителлески, Цезаря Барония, Джанфранческо Бордини и Томмазо Боцци. Последнего же по окончании трапезы, дабы избежать явного пропуска в приходящихся на это время упражнениях в Оратории, слуга Божий попросил сказать сообразное обстоятельствам слово, каковое, по его мнению, могло бы послужить назиданию других. Затем, когда тот завершил речь, святой хотел было добавить что-то в подтверждение, но едва успел произнести хоть слово, как внезапно, охваченный дрожью, залился потоками слёз и не смог продолжать.

[176] А читая жития святых, он часто чуть ли не тотчас же после каждого слова заливался слезами.

Однажды зашёл к нему некий прелат и застал его в горьком плаче над чтением; отчего и спросил, не случилось ли с ним чего худого? На что отец, уклоняясь, отвечивал: «Как же мне не плакать, сироте без отца-матери?»

А в другой день Анджело Витторио (который, как мы упоминали ранее, был по-дружески близок ему), застав его за чтением в слезах и спросив о причине кручины, получил ответ: «Я потому плачу, что сей святой муж, деяния коего я листаю, отрёкся от мира и всего, чем владел, чтобы служить едино лишь Богу, а я никогда не делал ничего хорошего, и все превосходят меня в добродетелях». Затем, вздохнув и издав глубокий стон, он молвил: «Ох, Анджело, а что, если меня поведут связанным через город и будут бить палками? Наверняка ты скажешь: «Не тот ли это Филипп, что притворялся таким хорошим? Наподдайте-ка ему!» И при этих словах он горестно вздохнул, ибо был полон любви к такого рода умерщвлению.

[177] Когда он размышлял, или говорил, или читал о Страстях Господних, он прямо таял, как воск на огне, от невероятного умиления. Также порой замечали, как он при этом бледнел, покрываясь снежной белизною, к изрядному удивлению и благоговению наблюдавших сие.

А на Великой седмице, когда он за литургией читал евангельское повествование о Страстях, его мысли унеслись так далеко, что он не мог закончить

священнодействия, и несмотря на все старания сосредоточиться, не смог в конце концов удержаться от слёз и воздыханий.

Когда однажды в Оратории он говорил народу проповедь и упомянул в ней о Страстях, его охватил такой пыл, что он не мог перевести дух от рыданий и слёз, а потому сошёл с возвышения и внезапно выбежал вон.

Поскольку же это случалось с ним всё чаще, он за много лет до ухода из сей жизни стал воздерживаться от проповедей, хотя сам он заявлял, что попросту непригоден для этого дела по своей неумелости и косноязычию. А если кто вдруг возражал, что, мол, ведь он так долго проповедовал прежде, Филипп тут же приводил тот довод, что, дескать, при самом зарождении Оратория совсем мало было тех, кто мог говорить с народом, а потому Бог и наделил его некоторой речистостью, на что теперь уже нечего надеяться, так как число ораторианцев достаточно выросло.

Собственно, даже при простом упоминании о Страстях он часто заливался слезами, которые лишали его речи и не давали собраться с мыслями.

[178] Гвидо Феррери, кардинал Верчелльский титулярной церкви свв. Вита и Модеста, муж достохвальный и благородством семейства, и собственной добродетелью, позвал Филиппа и нескольких других священников Конгрегации, чтобы отпраздновать памятный день сих мучеников; и устроил для гостей пир по соседству базилики св. Пракседы. Когда унесли кушанья и прибрали со столов, блаженный отец по указанию одного кардинала предложил всем своего рода питательный и освежающий духовный «десерт», а потом велел и каждому добавить что-нибудь от себя. Наконец, когда они развили и раскрыли заданную тему, он сам снова встал и завёл речь о невероятной любви, которой Христос возлюбил нас и предал Себя за нас – и в то же мгновение его охватила такая скорбь и стенание, что он утратил способность говорить. Он изо всех сил пытался было взять себя в руки, пока, наконец, кардинал не разрешил ему смолкнуть.

В год спасения нашего 1590-й он был тяжело болен, и ему для восстановления сил дали поесть похлёбки из толчёной курятины. Он взял её в руки, но не успел поднести ко рту, как охватила его внезапная дрожь, и, горько застонав, воскликнул он: «Ты Христос, Ты Распятый, а я нежусь в постели среди стольких удобств и утех, окружённый толпою заботливых друзей?!» И, говоря так, он заливался обильными слезами; и хотя он пытался вкушать сей пищи, ему не удавалось.

[179] Когда он потчевал своих духовных чад небесным Хлебом, то от непереносимой радости у него чрезвычайно часто открывались преизобильные источники слёз, так что он едва мог завершить сие действие. По этой причине многие из них, видя, как отец причащает их с влажными глазами и пламенным ликом, совершенно отчётливо чувствовали, что его пыл духовный сообщается и им.

Когда благочинно пели службы суточного круга, он, слыша сие, так умилялся, так волновался, что не мог сдержать слёз даже в присутствии других. Поэтому, когда он посещал на вечерне и в поздние сумерки те проповеди, что братия-доминиканцы пели наподобие псалмов, не раз замечали, что не только его лицо, но и самая одежда была залита преобильными слезами.

Едва на глаза ему попадались те люди, что преследовали его злословием и оскорблениями, тотчас же, тронутый жалостью, оплакивал их бедственное состояние.

И вообще Господь наделил Филиппа таким даром слёзным, что при всяком представившемся случае он сразу разражался плачем. Поэтому можно было счесть чудом то, что едкая жидкость, постепенно снедая зрачки, не лишила его зрения, которое у него до последнего дня сохранилось таким невредимым и ясным, что, когда ему было уже восемьдесят лет, он никогда не пользовался очками, хотя и носил их при себе множество, впрочем, не по необходимости, а (как он сам говорил) для забавы.

Притом сей замечательный дар, который, вообще-то, заслуживает высочайшего почтения, Филипп со свойственным ему смирением старался прикрыть, а при разговорах о себе говаривал, что такого рода слёзы не являются верным признаком божественной любви, и по ним нельзя судить о чьей-либо святости, ведь можно приметить, что даже пропащие шлюхи, если им случится услышать что-нибудь о Боге, тотчас же ударяются в плач.

[180] Он так любил молитву и созерцание, что, кажется, сосредотачивал на этом все упражнения Конгрегации и даже назвать её решил «Ораторием» в честь молитвы (orandi). Ведь с малых лет предаваясь сему деланию с глубокой искренностью и усердием, он приобрёл в нём с помощью Божией такое умение, что в любом месте и во всякое время ум его созерцал небесные предметы, и он в совершенстве исполнял апостольское предписание: «Непрестанно молитесь» (Фес. 5:17), и ему было много проще и легче воспарять к Богу, чем несчастным смертным низвергаться на землю. Поэтому, когда в его комнате собиралось огромное количество людей, и многое там обсуждалось в его присутствии и на слуху, он, не вовлекаясь в дела, но принаравливаясь к ним, неоднократно возводил очи и руки к небесам и из глубины сердца воздыхал ко Господу (хотя свои чувства такого рода он при свидетелях как можно старательнее таил).

[181] Идя по Городу, он был настолько отвлечен от чувств, что за ним приходилось присматривать, говоря, когда следует поприветствовать кого-нибудь или ответить на приветствие. Причём порой его внимание едва удавалось в итоге привлечь, даже дёргая за одежду, ибо он как бы пробуждался от глубокого сна.

После обеда (если только можно было называть это обедом, ведь он вкушал тогда лишь толику хлеба, сколько хватало для утоления голода) его приходилось то и дело отвлекать на разные дела, чтобы чрезмерное рвение и сосредоточение не навредили ему. Поэтому, когда Филипп не мог иначе уснуть, он, позвав Галлонию, просил его: «Если ты хочешь, чтобы я уснул, Антонию, подай-ка мне книги, что мне не по нраву». Либо же средствами иного рода требовалось отрывать его от созерцания божественных предметов, ведь оно так захватывало его, что он сам, бывало, сказывал, словно бы о ком-то другом: «Человек, воспламенённый любовью к Богу, доходит в итоге до того, что вынужден просить: «Господи, пожалуйста, дай мне поспать!»; и ещё: «Тот, кто не готов и не хочет молиться в двадцатый час, то есть в два или три пополудни, тот явно не имеет духа молитвенного» (отсчёт суток вёлся с

заката, который в Риме приходится на время примерно от пяти до восьми в зависимости от поры года. – прим. пер.).

Он никогда не предпринимал ничего, особенно в вопросах первостепенной важности, не посоветовавшись сначала с Богом и не умиловив Его; и благодаря своей настойчивости стяжал такое упование, что откровенно говорил: «Что бы я ни попросил у Господа, навверняка получу; только бы хватило времени помолиться!». Иногда даже доходило до того, что он говорил: «Я хочу, чтобы то или это вышло так-то», и получалось затем именно так, как он предрекал.

[182] И хотя Филипп молитвенным навыком и усердием достиг того, что мысль и чувство его устремлялись к Богу в любом месте и во всякое время, тем не менее он ежедневно назначал себе определённые часы для священных размышлений. И вот, в летнюю пору, утром и вечером (если любовь к ближним не смешивала его планов), он восходил на верхний ярус здания, откуда ему открывался вид на небо, и проводил там много часов в созерцании. А если вдруг во время молитвы привратник звал его к какому-нибудь посетителю, он тотчас же спускался к нему, ибо таким образом он, по собственным словам, отнюдь не прерывал моления, но покидал Христа ради Христа. Затем, по завершении дела, он возвращался на место, и, по его утверждению, это не рассеивало его молитвы – напротив, он чувствовал, что дела милосердия его только воодушевляют и воспламеняют к ней.

Зимними вечерами он после захода солнца посвящал молитве и размышлениям два-три часа. А собираясь ложиться спать, помещал у изголовья медное изваяние умирающего Господа Христа, снятое, однако, с креста; чётки и часы, по которым на ощупь мог определять время – так он снаряжался к ночным и утренним молитвам. И уделял он отдыху не более четырёх или, при крайней необходимости, пяти часов.

Явно внимательнее он был к молитве в следующие дни года: по великим торжествам или в случае общественных и частных нужд, но особенно в Страстную седмицу, во время которой он на протяжении многих лет имел обычай, вспоминая жутчайшую смерть Господа, бодрствовать день и ночь перед «гробницей», пока там хранилось святое Тело Христово (т.е. с Великого четверга до навечерия Пасхи. – прим. пер.), и всё это время он не двигался с места и не вкушал ничего.

[183] В течение семи часов каждый день, согласно обычаю и обряду Римской Церкви, он имел обыкновение читать [бreviарий] с величайшей внимательностью, хотя чаще всего на пару с кем-нибудь, ибо в одиночестве это давалось ему с крайним трудом, ведь он тотчас же восхищаем был к Богу и внимал лишь Ему. Ну а каждому, кто вместе с ним читал божественные молитвы, тому он повелевал всё это время держать breviарий перед глазами, ибо прилежнейше старался избегать при этом ошибок.

И хотя в старости, когда Филиппу было уже почти восемьдесят лет, Верховный понтифик Григорий XIV, принимая во внимание его лета, а также руководствуясь другими, более чем справедливыми, соображениями, дал ему разрешение вместо канонических часов читать так называемый Венчик Пресвятой Богородице или любую другую молитву покороче, он ни разу не воспользовался этой возможностью, разве что, когда тяжело захворал. Но и тогда он высказал желание, чтобы ему читали breviарий, и так внимал ему слухом и сердцем, что если кто допускал пусть и

лёгкую запинку, святой отец тут же поправлял чтеца жестом или словом, хотя казалось, что он почти вне себя и занимает его нечто совсем иное.

[184] К молитве Филипп присовокуплял чтение святых книг, а особенно тех, где описываются деяния святых, ибо, по его словам, они наипаче действенны для пробуждения духа. Преимущественно же в руках у него были: «Собеседования» Иоанна Кассиана, золотая книжица Фомы Кемпийского «О подражание Христу», жития св. Екатерины Сиенской и бл. Иоанна Коломбини, труды Людовика Гранадского, «Колчан Божественной любви» Серафино да Фермо (Серафино Ачети де Порти, именуемый также Серафино да Фермо, или Серафино да Болонья (Фермо, ок. 1496 г. – Болонья, 1540 г.), августинский проповедник и богослов. – прим. пер.). Кроме того он почти каждый день читал или слушал по какому-нибудь рассказу из «Житий святых отцов» и из того сборника, что составил ученейший и столь же благочестивый Липпомано (Луиджи (1500 – 1559 гг.) кардинал-епископ, агиограф. – прим. пер.).

Из книг Священного Писания ему особенно по душе были послания св. апостола Павла, которые он читал неспешно и с большим вниманием. А когда чувствовал в себе пробуждение священного пыла, ни в коем случае не двигался дальше, но с величайшим прилежанием обдумывал этот отрывок, и то же самое повторялось с другими местами при чтении. Поэтому, наученный долгим опытом, каковую пользу приносит такое чтение, он увещевал своих приверженцев, особенно тех, кто принадлежал Конгрегации и проповедовал слово Божие, уделять внимание тем книгам, заглавия которых начинаются с буквы «С.»: «Св. Августина [книга о...]» «Св. Григория...», «Св. Бернарда...» и т. п. (в античности и средневековье заглавие книги начиналось с имени автора (в родительном падеже), напр.: «Q. Horatii Flacci Liber De Arte Poetica». – прим. пер.)

[185] Он советовал (согласно предписанию упомянутого Кассиана) творить молитвы короткие, но зато как можно чаще, особенно тем, у кого не получалось посвящать сему деланию много времени. Поэтому он предлагал им разные молитовки, чтобы зажжённый ими, точно стрелами, дух окрылённо устремлялся к небесам, и, часто возносясь к Богу, постоянно внимал Ему. Некоторые из них мы сочли отнюдь нелишним привести здесь.

Cor mundum crea in me Deus, et spiritum rectum innova in visceribus meis. Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня (Пс. 50:12).

Deus in adiutorium meum intende, Domine ad adjuvandum me festina. Поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне (Пс. 69:2).

Doce me facere voluntatem tuam. Научи меня исполнять волю Твою! (Пс. 142:10)

Domine, ne te abscondas mihi. Господи, не скрывайся от меня!

Domine, vim patior, responde pro me. Господи! тесно мне; спаси меня! (Ис. 38:14)

Ego sum via, veritas, et vita. Я есмь путь, истина и жизнь (ср. Ин. 14:6).

Fiat voluntas tua, sicut in caelo et in terra. Да будет воля Твоя и на земле, как на небе! (Мф. 6:10)

Jesu, sis mihi Jesus. Иисусе, будь мне Иисусом!

Ne reminiscaris, Domine, iniquitatum mearum. Не припоминай, Господи, беззаконий моих! (ср. Вульг. Тов. 3:3, Плач. 1:14)

Quando te diligam filiali amore. Когда же я возлюблю Тебя сыновней любовью?!

Sancta Trinitas, unus Deus, miserere mei. Святая Троица, единый Боже, помилуй меня!

Tui amoris in me ignem accende. Своею любовью разожги во мне пламя!

Maria mater gratiae, mater misericordiae, tu nos ab hoste protege, et hora mortis suscipe. Мария, Матерь благодати, Матерь милосердия, защити нас от врага и прими в час смертный!

[186] Помимо того он повторял и сего рода молитвенные речения на народном наречии, чтобы все могли запомнить (мы приводим их здесь в переводе, продолжая предыдущий список):

Я ещё не познал Тебя, мой Иисусе, потому что еще не искал Тебя.

Что мне делать, если Ты не поможешь мне, Иисусе мой?

Что же мне делать, Иисусе мой, дабы исполнить Твою волю?

Даруй мне, Иисусе мой, служить Тебе не из страха, а из любви.

Когда-нибудь я хотел бы наконец полюбить тебя, мой Иисусе.

Себе не доверяю, Тебе доверяю, Иисусе мой.

Ничего хорошего не могу сделать, если Ты не поможешь мне, Иисусе мой.

Ничего не хочу, кроме исполнения святейшей воли Твоей, мой Иисусе.

Я никогда не любил Тебя, и все же хочу полюбить Тебя, мой Иисусе.

Я никогда не люблю Тебя, если Ты не поможешь мне, Иисусе мой.

Я хотел бы полюбить Тебя, Иисусе, но не знаю, как.

Я ищу Тебя и не нахожу Тебя, мой Иисусе.

Если бы я познал Тебя, я и себя бы познал, мой Иисусе.

Если я сотворю все, какие только возможно, дела благие, разве это в конце концов чего-нибудь стоит?

Я упаду, если Ты не поможешь мне, Иисусе мой.

Устрани всё, что препятствует мне, если хочешь обрести меня, Иисусе мой.

Владычица, Пресвятая Дева, даруй мне благодать всегда помнить о Тебе.

Более того, Давидово воззвание «Поспеши, Боже, избавить меня, поспеши, Господи, на помощь мне» или любую другую из перечисленных молитовок он советовал повторять по шестьдесят три раза наподобие молитвенного венчика, как

вышеупомянутую молитву, сложенную им в честь Богородицы Девы (см. п. 161. – прим. пер.).

[187] Притом Филипп предписал ежедневное молитвословие не только в Оратории (как мы уже подробно рассказали), но почти такие же упражнения ввёл также во многих, и притом почтеннейших семействах. Поэтому родители вместе с детьми и прочими домочадцами каждый вечер, удалившись в домашнюю молельню, изливали свои молитвы к Богу, следуя тому же правилу, которое было в обычае нашего Оратория. Не было недостатка и в таковых, кто совершал не только сего рода упражнения, но по мере своих скромных сил старательно и усердно соблюдал и другие установления нашей Конгрегации.

[188] Кроме того сей преискущённый в молитве слуга Божий дал множества наставлений и советов относительно самой молитвы; и хотя они почти совпадали с высказываниями и изречениями других святых, однако, поскольку он усвоил их до глубины души, а ученики его проповедовали их как его собственные, то и мы будем их приводить в его изложении, как здесь, так и в других местах, где случится их упомянуть.

Итак, во-первых, он говорил, что лучший способ и приём молитвы для каждого состоит в том, чтобы признать себя недостойным столь высокой милости, а истинный путь подготовки к молитве заключается в усмирении воли, без коего молиться ничуть не легче, чем летать без перьев. Поэтому всякому из учеников, кто просил объяснить ему искусство молитвы, он молвил: «Будь смирен и послушен, и Дух Святой научит тебя». Советовал он, кроме того, подчиняться вдохновению, который Бог сообщает в молитве, и не уклоняться от него; так что, если оно, например, побуждает нас к размышлению о Страстях Господних, ни в коем случае не следует переходить к другим тайнам.

Когда же просим у Господа чего-нибудь, мы не должны останавливаться, заметив, что Он не спешит нас выслушать, но продолжать молиться до конца. Потому что если кто, пламенея духом, находит великий покой в прошении и при самом излиянии молитвы верует, что получит просимое, может твёрдо надеяться, что молитвы достигли Бога и не остались бесплодными.

Он снова и снова увещевал тех, кто стремился к христианскому совершенству, не останавливаться на умеренной доброте, но с предельно глубоким воодушевлением стремиться к высшему; настолько, что, если бы это было возможно, даже самих первоверховных апостолов превзойти в святости, что, пускай, в действительности и недостижимо, однако стоит к тому стремиться, дабы таким образом хоть отчасти ответить на любовь Божию.

[189] Кроме того, молящимся и сосредоточенно размышляющим он настоятельно советовал не удерживать взгляда на священных образах долго, поскольку это для головы слишком тяжело и вредно, а кроме того ведёт к прелести диавольской.

Самым мощным лекарством от духовной сухости, когда душа наша как бы спит от утомления, он называл следующее: пусть каждый, как какой-нибудь бедняк, склоняется пред Богом и святыми и в смиренных мольбах просит того или иного

духовного подаяния, да притом иногда не просто мысленно, но и телесно, то есть набожно и благоговеино посещая посвящённые им храмы.

Он предписывал всем, а особенно новичкам, беспрестанно размышлять о Четырёх последних (смерть, суд, ад и рай. – прим. пер.) и говаривал: «Всякий, кто не сойдёт в ад при жизни, подвергается величайшей опасности угодить в него после смерти».

Ещё он увещевал своих учеников не прерывать ежедневных упражнений, которые обычно проводились по вечерам в нашем Оратории, и убеждал всех смиренно вверяться молитвам других. К тому же, чтобы подчеркнуть необходимость молитвы, он говорил, что человек не молящийся – это зверь неразумный. Посему и сам он однажды, когда был болен, получив от врачей повеление воздержаться на время от молитвы, уже будучи больше не в силах этого выносить, обратился к Галлонио и молвил: «Увы мне, Антонио, я совершенно превратился в зверя!»

Наконец, он утверждал, что для дьявола нет ничего мучительнее и отвратительнее молитвы; нет ничего, чему бы он старательнее пытался воспрепятствовать. Со своей стороны Филипп благодаря молитве достиг такой прозорливости, что по откровению Божию мог узнать, помолился ли кто утром, или же по небрежности пропустил сие делание.

ГЛАВА XV. ЛЮБОВЬ ФИЛИППА К БЛИЖНИМ

[190] А из пресветлой любви, которую Филипп питал к Богу, проистекала его пламенеющая любовь к ближним, производившая в нём радение о том, чтобы привести людей всех возрастов и сословий к истому богопочитанию, а удавалось это ему так искусно и мягко, что аж диву давались; ну а всякий, кто хоть раз пообщался с ним близко, уже не находил в себе сил его оставить. Ещё бы! Ведь, сделавшись всем для всех, чтобы всех приобрести для Христа (ср. 1 Кор. 9:22, 19), он прилаживался к нраву каждого. Итак, если ему встречался кто-нибудь, погрязший в трясине пороков, он прежде всего ободрял падшего, не давая ему отчаяться в вечном спасении; затем снова и снова увещевал его избегать всякого смертного греха, а в итоге с удивительным неким мастерством добивался всего, чего желал, действуя решительно и мягко.

Пришел к нему однажды некто, совершенно погрязший в дурных навыках и почти ежедневно повторявший всё те же грехи. Когда он освободил совесть священной исповедью, отец почти ничего не назначил ему в епитимию, кроме того, что, если он вдруг снова впадет в тот же грех, немедленно взять себя в руки и без промедления очистить свою душу[покаянием]. Он послушался, и Филипп никогда не предписывал ему ничего иного, кроме как[провинившись] немедленно возвращаться к нему. И этого одного хватило, чтобы несчастный не только от скверного навыка, но и от других зол через несколько месяцев благополучно освободился и, отбросив пороки, приобрёл, как свидетельствует тот же Филипп, нрав скромный и вообще ангельский.

[191] И совершенно беспутному юноше он вернул чувство долга и благоразумие почти таким же способом: всего лишь попросил семь раз в день его прочитывать антифон «Salve Regina» (Радуйся, Царица) и, поцеловав затем землю, говорить себе: «Завтра я, быть может, умру». Сие вскоре принесло ему благие плоды, а через четырнадцать лет он удостоился смерти, сообразной достойной проведённой жизни.

Доменико Сарачени из Коллешеполи (о нём ещё будет упомянуто в другом месте), учась в Городе философии, наслышался от соученика о святости Филиппа и пошёл к нему. Исповедавшись святому, он молвил: «Прости, я не при деньгах сейчас, хотя очень хотел тебя одарить» (поскольку по обычаю его родины следовало какую-нибудь милостыню священнику). Отец улыбнулся ему: «Ладно-ладно, только твёрдо обещай, что вместо денег ты снова придёшь ко мне в следующую субботу». Доменико послушался и, пленённый обходительным и мягким обращением сего мужа, вверился его руководству и наставлениям. Благодаря этому, часто и тщательно исповедуясь, смывал всю скверну и грязь с души своей и каждую неделю приступал к священному таинству Евхаристии.

[192] В год от Девственного рождения 1562-й в Ораторий св. Иеронима зачастил юный Джантоммазо Арена с той, впрочем, целью, чтобы нагло высмеивать проводимые там упражнения (ибо роскошная жизнь, живой ум и телесное здоровье развили в нём дерзость). Участники заметили, что он приходит раз за разом и, не в силах больше выносить бесчинств этого молодца, сообщили о том Филиппу. Но он, будучи человеком кротчайшим (ср. Чис. 12:3), велел им сохранять спокойствие, попросив потерпеть и позволить ему ещё какое-то время вести себя как душе угодно. И хотя бесстыжий юнец юноша отнюдь не прекратил своевольничать, но с каждым днём, пользуясь чужим терпением, становился всё нахальнее, тем не менее, Отец никому не позволял даже пикнуть на него, а всё сносил всё с полным спокойствием. И не напрасно! Ведь разнузданный этот норов под воздействием и духовных бесед и молитв Филипповых так смягчился, что довольно скоро юноша всецело вверился воле святого отца и, восплавав любовью к благам небесным, с земными добровольно распрощался и вступил по совету того же Филиппа в святую семью доминиканцев, где в самом начале иноческого жития благочестива отдал Богу душу.

[193] Другого молодого неаполитанца по имени Пьетро Фочиле, развращённого чрезмерной роскошью, да при этом большого проказника и острослова, в Ораторий св. Иеронима привёл однажды друг. Там как раз проходили проповеди, а одет он был чрезвычайно ярко, чуть ли не по-шутовски, и вот он заметил, что Филипп смотрит только на него одного, причём почти безотрывно. И почувствовал он, как будто стрелы вонзились ему в грудь и проникли в закутки и тайники его души. Итак, что бы ни говорили народу, он воспринимал всё так, словно бы это говорится ему одному. В итоге в тот день он был так покорён и пленён, что его невозможно было отвести от Филиппа.

И дух Господень наверняка уже вселился в него, и стал он другим человеком, а потому, хотя друзья, как обычно бывает, звали его покуролесить по-старому, он попросту не смог поддаться, что вызвало у всех огромное удивление. Через несколько дней он возвратился к Филиппу, намереваясь избыть проступки прежней жизни обстоятельнейшей исповедью. Святой отец находился тогда в церкви, принимая исповеди у своих учеников. Увидев же пред собою на коленях нового кающегося, он выказал мнимое равнодушие и пренебрежение: велел прийти другой раз в более удобное время, а когда тот возвратился, отослал его под этим же предлогом, и так многократно в течение двух месяцев. Пьетро же, чем настойчивее Филипп его прогонял, тем острее ощущал горячее желание вернуться к нему.

Наконец святой, которому было свойственно нежное милосердие, уделил ему внимание, радушно выслушал и отпустил его полным радости и духовного утешения. Позднее Пьетро воспытал таким пламенем благочестия, что его по праву нужно причислить к наиболее ревностным ученикам Филиппа, и слуга Божий, ещё будучи среди живых, не раз являлся ему во сне, дабы ободрить его, и оказывал другие, ещё более чудесные милости. Кроме того, он предсказал ему рождение чада (мужского пола несмотря на ожидания) за два дня до родов, а также грядущее в конце концов разорение, что впоследствии и подтвердилось на деле.

[194] Марчелло Ферро, высокородный римлянин, наделенный богатым бенефицием в главной базилике Города, сняв по высочайшему разрешению священнические одежды, облачался чуть ли не как мирянин. В канун памяти св. Доминика, одетый нарядно, почти на военный лад, он прогуливался в галерее обители св. Марии-над-Минервой и там встретил юношу, духовное чадо Филиппа, скромности совершенно ангельской, с которым, войдя в церковь, завёл беседу, чтобы скоротать время. Слово за слово молодой человек завёл речь о несравненной святости Филипповой, молвив: «О, если бы тебе посчастливилось когда-нибудь познакомиться со столь великим мужем! Хоть бы разок перемолвиться! А вдруг он придет сюда сегодня? Ведь то и дело захаживает». Тогда Марчелло сам принялся настоятельно упрашивать собеседника показать ему мужа столь выдающейся добродетели. Внезапно в храм вступил Филипп с несколькими учениками и, едва успев преклонить колени, исполнился Духа Божия и, как обычно, расплакался, хотя и закрывал лицо обеими руками в попытке утаиться; при этом зрелище Марчелло, не знакомый с небесными дарами и непривычный к ним, был изрядно поражен. Между тем Джованни Анимучча, один из тех, кого привел с собою Филипп, подошёл к Марчелло и спросил: «Что поделываешь?» А тот пересказал, что только что услышал. На что Анимучча ему тут же: «Поистине вернее и не скажешь! О, если бы тебе посчастливилось когда-нибудь познакомиться с Филиппом!»

[195] Тут и сам отец подошёл и вместе с Джамбаттистой Сальвиати, и Костанцо Тассоне, и всеми остальными отвёл Марчелло в капеллу. Там они немедля торжественно запели комплеторий, а Филипп тем временем молился с невыразимыми стонами, дрожа всем телом. Наконец, по завершении священных молитв, они порассуждали о божественных предметах, и вскоре Филипп ласково обнял Марчелло и пригласил его в Ораторий. После этого Ферро вдруг усовестился, и сознание прегрешений своих повергло его в горький плач. Когда же он выказал желание очиститься от них в таинстве исповеди, Филипп молвил: «Ни в коем случае! Сначала запиши свои грехи и приходи в Ораторий, а потом через четыре или пять дней я тебя выслушаю».

И Марчелло без возражений, прилежно всё исполнив, в назначенный день совершил перед отцом подробнейшую исповедь за всю свою жизнь. Филипп же, с устремленным к небесам бледным ликом, сотрясаясь от наплыва Божия Духа, проникал, как обычно, в самые сокровенные уголки его сердца и выводил на свет его преступления. И ещё не завершилось таинство, он «пал ему на шею» (Лк. 15:20) и молвил: «Не противься, сынок, Святому Духу, ведь Бог хочет тебе спасения!»

Итак, он ушёл от Филиппа полный доброй надежды и с того дня стал частым посетителем Оратория. И пускай поначалу он не стал вновь носить священнические

одежды, блаженный отец ничего не говорил ему по этому поводу, однако направлял все усилия на то, чтобы молитвами и духовными упражнениями хоть подвести его к правому пути спасения. И, конечно, терпение его по милости Божией увенчалось славным плодом: через пятнадцать дней Марчелло по собственному почину, сняв одежды мирские, облачился в священнические и полностью посвятил себя благочестивым трудам под руководством Филиппа, о чём мы ещё скажем ниже.

[196] Короче говоря, этой снисходительностью и мягкостью он обратил почти бесчисленное множество людей всех сословий от нечистой и распутной жизни к целомудренному страху Божию и любви к Нему. Посему немало кто из них, памятуя о милостях, на самом пороге смерти с великим духовным ликованием благословляли дни и часы, когда им было дано узнать Филиппа. Другие же, видя каждый день, сколько людей он приводит к добродетели и богопочитанию от дурной жизни, дивились и говорили: «Как магнит притягивает железо, так Филипп – души; ведь всякий, кто хоть раз исповедует у него, как привязанный, возвращается к нему».

Он не одобрял образ мыслей тех, кто навязывает кающимся, особенно новоначальным, слишком узкий и трудный путь добродетели, и резкими упреками часто отпугивает и отвращает их от пути исправления, ибо по этой причине они вынуждены дольше пребывать во грехах, откладывая исповедь либо даже уклоняясь от неё.

Именно по этой причине он не обращал особого внимания на чрезмерности и излишества во внешнем облике некоторых женщин, но, насколько мог, обходил это молчанием, благодаря чему затем легче приводил их к добродетели. Ведь, как он говорил, в других нужно терпеть эти недостатки точно так же, как мы миримся со своими врождёнными и укоренившимися пороками, ибо когда приходит Дух Господень, всё это исчезает само собой.

И вот одной знатной женщине, спросившей, позволительно ли носить каблуки повыше, не богопротивно ли, святой не сказал ничего кроме: «Смотри не упади». А какого-то господина, щеголявшего в жёстких складчатых брыжах, он мило и весело попрекнул, сказав: «Право же, я бы почаше мог тебя приобнять, кабы эдакий воротничок мне руку не колол». Его мягкость легко убедила обоих в дальнейшем воздерживаться от суетной пышности.

[197] Причём не требовалось поджидать случая заговорить с ним: в какой бы час ты ни пришёл, он, независимо от телесного самочувствия, всегда держал дверь комнаты открытой, радушно всех принимал и до конца выслушивал, не прерывая. А если вдруг кто-нибудь из приходящих по тем или иным причинам передумывал и поворачивал назад, отец, немедленно выйдя, брал его за руку и вводил к себе. При этом ему настолько не было жалко ни уединения, ни времени, что, даже уже улегшись в кровать поспать, он допускал любых незваных гостей, чтобы никто от него никогда не ушёл бы хоть капельку недовольный.

Сказать кому, не поверят, сколько всяких душ он пленил чарами братской любви! Ибо все они помогали ему наперегонки во всех делах, и ничего не казалось слишком трудным и сложным, чтобы без малейших колебаний не исполнить ради него, когда нужно. Как раз поэтому считалось нечестивым говорить, что Филипп отдыхает, либо, что ему, мол, нужно побыть наедине с собой. Например, когда Антонио

Галлонио задержал кого-то, пришедшего в неурочное время, Филипп его весьма сурово за то укорил и молвил: «Не говорил ли я тебе, что не намерен выделять какие-то особые часы на свои дела?» Также и Франческо Дзаццару, который, закрыв двери комнаты, заставил кого-то ждать, он резко отчитал прямо в присутствии той особы. Иной раз он даже мог неожиданно нагрянуть к кому-нибудь из наших, и, если вдруг обнаруживал, что там прячут какого-то посетителя, виновнику это отнюдь не проходило безнаказанно, ибо не было для святого отца ничего тяжелее и мучительнее, чем понимать, что кто-то его томительно ожидает. А просившим побережь себя и не выкладываться так ради всех, он молвил: «Видали тех, что нынче наипаче пламенеют духом? Знайте же, что я родил их (ср. Гал. 4:19) в ночных бдениях и частых мольбах ко Господу)».

[198] Да и не только дома и в церкви бодрствовал он подолгу денно и ночью, взыскав спасения душ, но и наружу, если нужно, выходил на брань, дабы вести войны Господни (ср. 1 Цар. 25:28). Ведь когда того требовало благо ближних и появлялась возможность исторгнуть хоть одного кого-нибудь из грязи грехов, его не волновала ни жара, ни холод, ни ветры, ни дожди, ни прочие неприятности, и никакие опасности не страшили.

Однажды он услышал, что некий молодой человек чрезвычайно знатного рода, потеряв голову от юношеской страсти к высокопоставленной даме, идёт навстречу верной гибели. Уже даже князья то и дело пытались его вразумить, да тщетно. И вот Филипп, со всей свойственной ему обходительностью и мягкостью стал обихаживать того человека, и попеременно то уговорами, то убеждениями в конце концов смягчил так, что он не только настроение своё переменил, но в течение целых двух лет избегал улицы и дома, где та дама жила, не говоря уже о встречах с нею лицом к лицу.

Более того, если иногда во время совместной прогулки по Городу с каким-нибудь вельможей их карета вдруг приближался к той улице, он, извинившись, внезапно выскакивал: так старательно он соблюдал указания и спасительные предписания Филиппа.

[199] Наконец, в каждом месте и в любое время, он пробуждал в людях всех без разбору сословий и возрастов любовь к добродетели, имея обыкновение принаравливаясь и приспособляясь, когда это можно было сделать достойно, к настроениям и желаниям других, наученный, конечно, советом апостольским: радоваться с радующимися и плакать с плачущими (ср. Рим. 12:15). Он был во всех отношениях одинаково расположен к бедным и к богатым и этим подходом легко снискал всеобщую приязнь и благосклонность. Многие повадились хаживать к нему ежедневно, а иные даже утром и вечером, и так продолжали тридцать-сорок лет подряд, по каковой причине его комната, где постоянно толпились люди, повсеместно прозывалась «Школой святости» и «Хижинкой радости вечной».

Однако же, хотя сим духом мягкости и кротости он, как мы сказали, побуждал многих к богопочитанию и углублению молитвенной жизни, не было всё-таки недостатка в людях, в целом весьма искренних и горячо ревнующих о благочестии, которые упрекали его за такой подход и жёстко порицали. Но опыт выявил, что так

Филипп достиг гораздо большего в спасении душ, чем им удавалось добиться своей строгостью и суровыми выговорами.

[200] Тесео Распа был одним из тех священников, которые посвятили себя святому служению в церкви св. Иеронима. Негибкий по натуре, он крайне неодобрительно относился к той снисходительности и мягкости, какую Филипп проявлял при таинстве покаяния. Однако ход событий опроверг правильность его подхода, ибо хотя первоначально у Тесео было много исповедующихся (причём из людей отнюдь не низкого пошиба), они вскоре начали покидать его, а Филипп, наоборот, кого хоть раз принял как духовного чадо, тех мало-помалу воспитывал в добродетели, и мог «похвалиться Господом» (1 Кор. 1:31; 2 Кор. 10:17), что они возрастают в численности и рвении. И многие замечали, что иные из тех, кто руководствовался указаниями блаженного отца, даже не слишком часто прибегая к таинству исповеди, гораздо глубже укоренялись в любви, чем те, что по внушению других приучились творить её с большим постоянством.

[201] Впрочем, сию обходительность и мягкость духа благоразумнейший муж умерял, где того требовали обстоятельства, суровостью и властью, чтобы доставить человеку как можно больше пользы. Однажды его спросили, готов ли он посетить одного несчастного, осуждённого на смерть, ибо никакие доводы не могли склонить его к тому, чтобы терпеливо снести наказание за свои преступления, хотя многие иноки усердно трудились над этим. И вот по зову Галлонио святой отец помчался к осуждённому, а войдя в часовенку, увидел человека, который в ужасе перед близкой смертью наполнял всё здание громкими криками. И вот, отослав охранников, Филипп возложил на него руки и, схватив за шею, повалил ниц на землю и молвил: «Уймись!» И тот, пораженный страшным криком, тотчас же пришёл в себя, омыл совесть святой исповедью раз и другой, а затем, исполнившись духа сокрушения, расплатился смертью за свои преступления.

ГЛАВА XVI. КАК ОН СО ВСЯЧЕСКИМ УСЕРДИЕМ СТРЕМИЛСЯ УБЕРЕЧЬ ЮНОШЕСТВО ОТ ПОРОКОВ

И хотя Филипп словом и примером воспламенял любовь к спасительному покаянию в людях всех возрастов, однако с каким-то особым усердием он старался отвращать от пороков юные души и всеми доступными способами приучать их к воздержанности. Поистине глубоко запало ему в сердце известное речение Премудрого: «Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится» (Прит. 22:6). Поэтому даже в преклонных летах, когда силы уже в значительной мере оставили его (правда на любовь к ближним и сил, и запала оставалось достаточно), чрезвычайно часто можно было наблюдать, как он шёл по Городу в окружении толп юношей, любезно заговаривая то с одним, то с другим на ту тему, что по-видимому волновала каждого по особенностям.

Ещё он часто выводил их на природу и весело предлагал развлечься бросанием черепков и тому подобными невинными играми, причём, хотя сам был в игре заводилой, однако мало-помалу удалялся в уголок и там в одиночестве или размышлял о какой-нибудь из Страстей Господних, или читал из Евангелия, которое весьма часто приносил с собою.

Если вдруг кто-нибудь из них, как нередко бывает, прекращал приходить на исповедь или на духовные упражнения в Оратории, он при случае зазывал их к себе, а тех, кто, по его разумению, уклонялся от правой стези спасения, со всем усердием и прилежанием (в том числе осторожно подсылая других) старался привлечь их обратно на путь; и таким образом часто добивался того, что они возвращались к прерванным трудам благочестия с ещё большим пылом духовным, чем прежде.

[203] И настолько распространилась в Городе среди всех, но особенно среди монашествующих, слава о превосходных способностях Филиппа воспламенять души юных любовью к добродетели и стремлением к христианскому совершенству, что настоятель прославленной киновии при Санта-Мвария-сопра-Минерва часто препоручал ему своих послушников, чтобы он мог водить их, куда ему заблагорассудится – настолько он был уверен, что общение с ним принесёт им немало пользы. Поэтому он с ними иногда (а особенно в дни Карнавала) обходил семь главных церквей Города; а порой они собирались в каком-нибудь уголке поживописнее, где все совместно трапезничали, что на диво нравилось блаженному отцу. Ибо он, наблюдая, как они веселились, угощаясь поданными яствами, молвил: «Кушайте, сыночки, кушайте, и пусть совесть ваша будет спокойна: право же, я насыщаюсь и освежаюсь, видя, как вы кушаете». По окончании пира он приказывал им рассестись на земле и, окруженный многочисленными слушателями, словно венцом, наставлял новобранцев Христовых ко всякому мужеству, а особенно к стойкости, заверяя, что наивысшая из милостей, кои уделила им Божественная благость, есть та, что она призвала их из мирского служения в свой стан и под свои знамёна. «И это, – молвил он, – я говорю искренне и от души». Таковые наставления и увещевания весьма воодушевляли сих молодых воителей, и они чувствовали в себе пламенное желание величайших ради Христа свершений. В итоге, счастливо проведя весь день, они возвращались в киновию, исполненные духовной радости.

[204] И право же, он проявлял совершенно невероятное терпение, чтобы как можно надёжнее уберечь юношество от пороков. Ибо он на диво кротко сносил до последней возможности дерзость и наглость, а также глупость и бестолковость тех, кто захаживал к нему, так что даже перед дверями своей комнаты невозмутимо позволял им громогласно болтать и стрекотать наперебой. Поэтому некоторые из наших, разволновавшись порой, жаловались на их безудержную развязность и своеволие. И поэтому, когда Филипп проведал о том от самих юношей, он молвил [ученикам своим]: «Пусть шумят сколько угодно, а вы проходите себе мимо и радуйтесь, ведь я ничего от вас не требую: только грехов берегитесь». Дошло до того, что отец сам лично велел им играть в мяч перед своей комнатой, чтобы только не дать им повода пойти куда-нибудь ещё.

Один римский вельможа, часто посещавший Филиппа, весьма удивлённый таковым его терпением, спросил, как ему удаётся выносить это юношеское шалопайство и ежедневный шум. А он ему: «Что же касается меня, то, пускай хоть дрова у меня на спине рубят; охотно потерплю, лишь бы сторонились грехов».

В связи с этим некий высокопоставленный придворный не без слез засвидетельствовал перед другом, что в те давние годы его юности, когда Филипп был его советчиком и духовником, он не впадал в смертный грех, но когда отошёл от него, тотчас же обратился к нечистой и распущенной жизни.

[205] Кроме того, он не мог стерпеть, чтобы они поддавались печали в сердце своём. И если ему доводилось увидеть кого-нибудь в тревожном или беспокойном состоянии, он тотчас же спрашивал, что случилось, а иногда, дав оплеуху, добавлял: «Ну же, веселей!» Ибо он на своем долгом опыте убедился, что радостного гораздо легче приучить к христианской добродетели, чем печального. По этой причине он относился к людям радостным и жизнелюбивым с некоей особой благожелательностью. Тут нельзя не упомянуть случая, который произошёл с Филиппом при близком общении с некими иноками.

Пришли навестить его двое из святого капуцинского семейства, один из которых, годами будучи младше другого, в духовном развитии его опережал, что блаженный отец рассмотрел с одного взгляда. Поскольку же ему захотелось проверить (как он часто делал раньше), так ли это, он воспользовался представившейся ему возможностью (инок сплюнул в его присутствии) и резко упрекнул этого человека в бескультурье, а после множества порицаний, как будто сильно сердясь на него, молвил: «Что ж ты за человек? Что за деревенщина-то? А ну прочь с глаз моих!» – и, сорвав с ноги туфлю, замахнулся так, будто собирался ударить его по голове. А тот, осыпанный столькими оскорблениями, нисколько не смутился, и лицо его неизменно оставалось весёлым и радостным; в то время как другой инок, постарше, будучи мрачноват нравом, хоть дело его напрямую не касалось, всем своим видом выказывал, как глубоко его оскорбляет эта ситуация.

Не остановившись на этом, Филипп велел ему немедленно снять рясу, потому что, мол, он её недостойн. Инок же, без промедления снявши рясу, молвил: «Почему бы и не угодить тебе? Охотно! Ведь я и в самом деле недостойн рясы, да и совсем нет в ней нужды: мне ничуть не холодно и пообедал я хорошо».

Кроме того святой приказывал ещё много чего нелепого и вздорного, а превосходный юноша всё исполнял, причём ревностно и в бодром расположении духа, так что в итоге Филипп глянул на него как можно свирепее и велел идти прочь. Ну а тот чем больше презрения ему выказывалось, тем веселее становился – прямо-таки ликовал от радости. И вот после того, как капуцины удалились и спустились до нижней ступени лестницы, он велел позвать их обратно и, едва увидел юношу, подбежал, обнял его, стал одаривать его всякими бумажными иконками и другими подобными святыньками, а под конец молвил: «Будь и дальше таким же весёлым, сынок, ведь это на самом деле лучший путь к добродетели».

[206] Но при всей своей любви к веселью и радости он всегда до крайности ненавидел расслабленность и чрезмерное рассеяние духа. И поэтому он говорил, что тем, кто взыскует христианской добродетели, нужно тщательно избегать привычки к «фиглярскому», как он выражался, духу, ибо фиглярство и притоку божественной благодати препятствует, и совершенно лишает той, что уже была приобретена.

Также, чтобы держать молодых занятыми, он всячески старался нагружать их новыми и новыми поручениями. Поэтому он то и дело наказывал им подмести ему комнату, перестелить постель, передвинуть туда-сюда ящик или стол, сплести венок из чёток или цветов, почитать что-нибудь или написать; приказывал, в конце концов, что угодно, лишь бы только никто из них не оставался праздным и

бездельным, ибо не было ничего более чуждого его натуре, никто никогда не видел его без занятия.

[207] Помимо того, он хотел, чтобы они почаще приступали к таинству покаяния, но не к Евхаристии, и постоянно напоминал им, что к ней нужно готовиться как можно тщательнее, в том числе и проходя определённые предписанные духовные упражнения. Когда же они затем приходили принять Св. Тайны, он раз за разом просил обождать, назначая всё новые и новые упражнения, пока не решал, что пришло нужное время.

Причём обосновывал он такой способ действий тем, что в то время, как верные Христовы принимают столь великое Таинство, на них нападают более суровые искушения, которым молодые легко поддаются, что чревато немалым кощунством против одного Таинства. К тому же сия небесная трапеза, по его словам, предназначена только для алчущих и жаждущих, поэтому-то иногда он просящим разрешения причаститься молвил: «Ни в коем случае! *Sitientes, sitientes venite ad aquas* (Жаждающие, жаждущие! Идите к водам (ср. Ис. 55:1))»

Когда ж буйствовал Карнавал, он, чтобы отвратить юношей от нечистых и скверных зрелищ, старался занять их разными священными и благонравными делами. По этой же причине он обычно обходил вместе с ними семь церквей Рима или устраивал молитвенные собрания под открытым небом на Квиринале либо Яникуле.

[208] Вдобавок он давал им кое-какие спасительные наставления к охранению чистоты и целомудрия; в частности, они не должны были после обеда удаляться от других, уединяясь для чтения, писания или иного какого занятия, ибо, мол, в это время враг рода человеческого, употребляя все свои ухищрения, нападает на людей с особой яростью – потому-то Священное Писание и учит нас беречься беса полуденного.

Особенно он настаивал на том, чтобы юноши, как заразы, избегали любого прикосновения, даже руками (и этого среди наших остерегались наипаче), а также не допускали укромного общения между собой, даже те, что были связаны теснейшими узами родства и наделены превосходными склонностями и целомудренным нравом, ибо сколько бы ни были они честны и чисты, и пускай ничего дурного им на ум в то время не приходило, однако, поскольку человеческие чувства склонны ко злу, иные могли бы внезапно зайти слишком далеко.

Он также категорически запрещал братьям с излишней вольготностью проводить время со своими сёстрами и позволять себе взаимные прикосновения, потому что знал дьявольские козни и тайные вредоносные ухищрения.

[209] Вполне уместно здесь будет упомянуть, как слуга Божий в связи с этим остроумно и вместе с тем серьёзно выразился.

Один юноша имел привычку проводить время в обществе своих сестёр, а упоминавшийся нами выше Анджело Велли, которого он выбрал себе духовником, часто увещевал его не поступать так. Поскольку же юноша был наделён превосходными задатками и целомудренным нравом, он оскорблялся повторяющимися напоминаниями такого рода. Итак, Велли молвил: «Скажи-ка, сын мой, никаких угрызений совести ты по этому поводу не испытываешь, не так ли?»

«Ни малейших», – сказал он. «Тогда, – продолжил Велли, – поди к о. Филиппу и посоветуйся с ним по этому самому вопросу». Юноша послушался. Выслушав его, Филипп тут же спросил, какие науки он проходит. «Логику», – ответил он. Тогда блаженный отец молвил ему: «Знай же, что злой бес, как искуснейший логик, методом абстрагирования легко подведёт тебя к тому, что ты будешь видеть в ней женщину, а не сестру». Убеждённый этими словами, юноша уступил и с того дня воздерживался от такого рода времяпрепровождений.

Наконец, в управлении своей молодежью и контроле над ней Филипп был самым благоразумным из всех; и это было тем более удивительно, что он был так предан заботе о каждом, как будто ни о ком не было заботы до него.

ГЛАВА XVII. КАКУЮ ЛЮБОВЬ ПРОЯВЛЯЛ ОН К СВОИМ УЧЕНИКАМ, КОГДА ИМ ТРЕБОВАЛАСЬ ПОМОЩЬ В ПРЕДСМЕРТНОМ БОРЕНИИ

[210]. Конечно, не меньшую заботу он оказывал чадам своим, нуждавшимся в ободрении и поддержке, когда им нездоровилось. Ибо, если случалась такая невзгода, он немедленно лично навещал каждого из них, а едва входил в покои болящего, тотчас же становился на колени и изливал за него молитвы ко Господу, а стоявших рядом побуждал делать вместе с ним то же самое. Если же болезнь вдруг оказывалась слишком тяжела, он сидел при страдальце, пока тот не выпускал дух, и в последней битве служил им чудесной поддержкой против бесовского натиска.

Был некий Себастьян, виртуозный музыкант, ученик Филиппа и муж исключительного благочестия. Когда он был в борении, испуская душу свою, лукавый враг рода человеческого показавшись ему в ужасающем облике, разными способами склонял его к отчаянию в вечном спасении. Наконец несчастный тот, измученный и сломленный, заголосил: «О несчастный я! О, кабы я не родился! Никакой у меня больше надежды на спасение; вот-вот ввергнусь я в вечное пламя!» Он так восклицал, что стоны его были слышны во всём здании. И кричал без перерыва в течение двух часов, пока, наконец, не позвали приходского священника. Однако Себастьян не захотел ни видеть его, ни слышать, но тотчас же, пылая гневом, отвёл от него взор, недвусмысленно заявив, что ни за что ему не поверит, ибо уже простился с надеждою на спасение.

[211] Итак, в отчаянии пошли за Филиппом, который явился незамедлительно. А едва ступил на порог комнаты, громким голосом, как было у него в обычае, молвил: «Ну и что тут у нас случилось? Что тут у нас?» И, войдя, подошёл к кровати умирающего, возложил ему руку на голову и сказал: «Не сомневайся». При этих словах несчастный неожиданно пришёл в себя, оживился и так же громко, как прежде [оплакивал свою гибель], закричал: «Филипп гонит бесов! Бесы бегут, это Филипп их гонит! О дивная сила Филиппова! Да здравствует Христос! Да здравствует Филипп, исторгший душу мою из глубин преисподней!» И преисполненный невероятной радости, он запел священные песенки гимны, которые в то время были в ходу в Оратории, и прежде всего ту, что состояла из многократных повторений имени Иисусова. В конце концов, подняв к небу руки и взор, он промолвил: «Глядите-ка, ангелы! А вот архангелы...», а затем стал перечислять чины остальных блаженных духов. На том и испустил он последний свой вздох в объятиях

блаженного отца 28 сентября – в самый канун праздника святого Михаила Архангела.

[212] Персиано Роза, пресвитер высокого благочестия и добродетели, к которому (как мы рассказывали) Филипп ходил исповедоваться, тяжело болел, а когда наступила пора предсмертного борения, навалились на него жесточайшие искушения. Посему, теснимый ими, он взывал к Господу: «Ты суди меня, Боже; Ты вступишь в тяжбу мою» (ср. Пс. 42:1), - и, повторяя эти слова, он от страха и ужаса многократно подскакивал с кровати, ограждая себя крестным знаменем, и ворочался с боку на бок.

И вот внезапно пришёл Филипп, а Персиано, едва увидев его, возопил: «Святой Филиппе, помолись обо мне и, пожалуйста, изгони эту жутко чёрную собаку, что норовит растерзать меня!» Услышав, в чём дело, отец склоняется наземь и призывает всех присутствующих молить Бога и Богородицу Молитвой Господней и Ангельским приветствием. Скажу нечто дивное: едва блаженный отец преклонил колени, как Персиано воскликнул: «Благодарение Богу, благодарение Богу, собака уходит, собака убегает!» Филипп встал, окропил больного святой водой и благословил его. А он, отбросив свой страх, в радости и веселии на следующий день удостоился увенчать свято прожитую жизнь сообразной её смертью.

[213] Восемнадцатилетний Габриэлло Тана из Модены, член свиты Джованни Риччи, кардинала Монтепульчанского, был смертельно болен. За два года до того он вверился Филиппу, и его дух горел великим рвением, так что он приступал к таинствам исповеди и евхаристии по крайней мере два раза в неделю и часто посещал приюты, ухаживая за больными. Итак, болезнь его день ото дня становилась всё тяжелее, никакие усилия врачей не приносили облегчения, и вот настал последний день его жизни. Однако он, подстрекаемый и наущаемый диаволом, поддался огромной страсти выздороветь, а потому о приближающейся смерти и помыслить не мог.

Тут внезапно явился Филипп (ибо он часто заглядывал его проведать) и спросил, как у него дела. А юноша ему: «Право же я просто в превосходном настроении, ибо думаю, что нынче по милости Божией не умру. А поэтому сильно-сильно прошу тебя, отче, во время мессы вознеси Господу молитвы о моём здравии и испроси для меня времени для покаяния, «чтобы я немного ободрился» (Иов. 10:20)». Тогда отец, распознав диавольские ухищрения (ведь из откровения Божия он знал о приближении смерти Габриэлло), молвил: «Когда я буду возносить Богу Отцу Св. Дары, то хотел от твоего имени принести Ему в жертву твою волю, а вместе с ней и желания, ибо мне хотелось бы, коли Бог призовет тебя, то чтобы ты сразу же ответил противящемуся сатане: У меня нет своей воли, я передал её Христу!» Так и вышло. Наконец Филипп попросил всех присутствующих сосредоточенно помолиться Богу о болящем, а сам удалился, чтобы отслужить литургию.

[214] По свершении оной святой возвратился к больному и обнаружил, что воля его совершенно переменялась, ибо он с великим пылом духовным повторял апостольское изречение: «Алчу разрешиться и быть со Христом» (ср. Флп. 1:23), а затем, взяв распятие, обнимал его и не без слёз, целовал, горячо увещевая своих друзей, стоявших рядом, чтобы они от всего сердца посвящали себя служению Богу и

безоглядно попирали всю гордость мирскую. И молвил он: «Я жизни, поверьте, не рад (ср. Быт. 27:46), и жажду смерти, дабы в рай взойти». Обратившись затем к Филиппу, молвил: «Доселе я заклинал тебя, отче, выпросить для меня у Господа исцеление; ныне же я сугубо молю тебя исходатайствовать мне как можно скорейшее преставление от сей жалкой жизни». Причём в таком же благочестивом настроении он пребыл до самого вечера.

Когда же к ночи Филипп засобирався домой, Габриэлло снова: «Воистину, отче, я хочу в рай; итак, молись за меня, дабы желание мое поскорее исполнилось». Тогда Филипп ему: «А вот если Богу будет угодно задержать тебя, несмотря на болезнь, долгие годы, неужто ты не подчинишься Его воли с охотностью?» А тот ему: «Что это за речи, отче?! Разве ты не знаешь, – ведь я столько раз говорил тебе, – что я хочу как можно скорее попасть в рай, дабы узреть моего Бога, и что мне в этой жизни долее не вмоготу? Поэтому и прошу я всемилостивого Господа в молитве, чтобы Он до полуночи обязательно ниспослал мне кончину». На что Филипп ему: «Ну так иди; желание твоё несомненно исполнится».

[215] «Но тебе должно взяться за оружие и мужественно ратоборствовать против диавола, ибо он пойдёт в бой на тебя, прибегая ко многим ухищрениям. Поэтому помни, что ты вверил волю свою Христу, и не бойся, ибо Он сам будет побороть за тебя и победит (ср. Исх. 14:14)». И святой предсказал ему все уловки, к которым прибегнет лукавейший враг при нападениях на него. Предостерегши его таким образом и наставив, Филипп, наконец, удалился, чтобы в уединении излить за него молитвы ко Господу, оставив вместо себя Джамбаттиста Сальвиати, Франческо Марию Таруджи и других, которым дал указание, если вдруг что-то изменится, немедленно сообщить ему об этом.

Едва миновал час, как вдруг надо же: сатана напал на больного и, побуждая его к гордыне, представил ему все его добрые дела, намекая на непременною награду от Господа. Поэтому, когда среди литаний и молитв прозвучало: «От злой смерти избавь его, Господи», он, улыбнувшись вдруг, покачал головой и сказал: «Тот, у кого в сердце Христос, наверняка не может погибнуть», но тут же осознав ошибку, закричал: «Братия, прошу, помогите мне молитвами вашими, ибо то, что я только что сказал, было сказано не по моей воле, но по внушению и наущению диавольскому!»

[216] И вот, когда буря этого искушения улеглась, лукавый подступил снова и всевозможными ухищрениями стал препятствовать тому, чтобы юноша призвал святое имя Иисусово, при том что он стремился всегда иметь Его на устах своих, и по этой причине нарочно попросил всех друзей напомнить ему при последнем издыхании о Нём. Итак, почувствовав, страшную скованность и спутанность [речи], Габриэлло молвил: «Помогите мне, братия, помогите мне, умоляю вас! Ибо я не в силах произнести Его!» А когда они спросили, в чём дело, чего он не в силах произнести, не святейшее ли имя Иисусово, он подтвердил это только кивком и молвил: «И что это за ужасное искушение, что я не могу произнести имени Иисусова?!» Ибо хотя он и произнёс его вслух, однако всё никак не мог осознать, что в силах это сделать, и из-за этого в тревоге и беспокойстве обильно потел от натуги. Поэтому срочно призвали Филиппа, приходу коего больной чрезвычайно

обрадовался и, ободряемый им, сам первый произнёс несколько раз сладчайшее имя Иисусово, чего жаждал всем разумением и чувством.

[217] Враг рода человеческого, будучи побеждён один раз и затем снова, всё равно не отказался от своей затеи, но новым наущением попытался поколебать его веру и опять внушил ему острую надежду на выздоровление. Поэтому, обратился к Филиппу, Габриэлло молвил: «Помоги мне, отче, ибо я, похоже, не верю в то, что подобает, и помышляю, что не умру ныне». На что Филипп ему: «Презри, сыне, и эти диавольские ухищрения, а говори вместе со мною: Верую! Верую!» И хотя юноша произносил эти слова с величайшим старанием, однако ему казалось, что он делает это неправильно и что у него нет отчётливой и твёрдой веры в то, чему следует верить. Поэтому Филипп приказал находившимся рядом, чтобы они все громким голосом произносили Апостольский символ веры, и больному велел делать то же самое – хотя бы в сердце. После чего оное искушение тотчас же исчезло, ибо если доселе он не мог взять себя в руки, то тут собрался с духом и не без презрения поглумился над своим противником, сказав: «Право же, нравится тебе или нет, а я воля моя – верить, причём непременно вовек!»

Впрочем, хотя он и вышел из этой битвы победителем, всё же изрядно утомился.

[218] В итоге хитроумный змей, поняв, что, несмотря на такое множество уловок, ничего добиться не может, решил вогнать человека в крайнее отчаяние. И вот он в зримом облике, жутко вытаращив глаза, страшно оскалившись и ошетинившись, бросился на него. Это зрелище так сильно перепугало Габриэлло, что он вертелся с боку на бок с перекошенным лицом и не находил себе места. Наконец, сломленный тяжким унынием, он закричал: «Горе мне! Сколько грехов! сколько злодеяний! Господи, помилуй! Изгони, отче, многогнусных псов, что окружают и осаждают меня!» Тогда, в конце концов, Филипп со своим обычным дерзновением и решительностью возложил ему руки на голову и молвил: «Итак, дух нечистый, ты продолжаешь столь нагло противиться благодати Божией?! Сии руки сегодня преломляли Тело Христово! Поэтому я велю тебе во имя Его, убирайся отсюда и немедленно оставь в покое этого человека!» После этих слов искушение прекратилось.

И тогда блаженный отец обратился к болящему: «Ну же, сыне, да укрепится сердце твое и скажи со мною: «Удадитесь от меня все, делающие беззаконие!» (Пс. 6:9, ср. Мф. 7:23, ср. Лк. 13:27) Не бойся, ибо хотя ты и согрешил, Христос умер за тебя и искупил тебя в Своей крови. Итак, вниди в бок Его и укройся в ранах Его; и не сомневайся ни в чём». Сказав это, святой пал на колени. А Габриэлло, радостно торжествуя, молвил: «Радуйтесь, братия, радуйтесь, ибо псы побежали – Филипп изгнал их! Да как побежали! (он указал на что-то пальцем) Как рванули-то! Наконец-то мы победили, а вы, побеждённые, сбежали и скрылись! Теперь, наконец, я смогу невозбранно призывать сладчайшее имя Иисусово, а я хотел бы призвать Иисуса тысячекратно!» И, устремив взор свой на распятие, которое один из присутствовавших держал в руке, так горячо, так душевно молился он Господу, что никто из присутствовавших от сокрушения сердечного не мог удержать обильных слёз.

[219] Тогда обратившись к ним, он сказал: «О, братья, сколь великие и дивные вещи я видел своими глазами! Теперь-то я, наконец, понимаю то, что отец каждый день

нам вкладывал в уши, а именно: сколько любви мы вкладываем в сотворённые вещи, столько же забираем у Творца. Поэтому всем сердцем, умоляю вас, братья, Бога любите». Затем он опять повернулся к распятию и, взяв его в руки, крепко обнял и поцеловал и, подняв руку, воскликнул звонко: «Слава Иисусу во всём мире, слава вовеки! Кто отлучит меня от любви Твоей?! (ср. Рим. 8:35) Отойдите от меня все, делающие беззаконие!»

Он искренне предавался подобного рода сердечным излияниям и резко обличал бесов, пока Филипп не удержал его, молвив: «Довольно, сынок, довольно; оставим бесов в покое, а то уж слишком много им незаслуженной чести – столько о них говорить. Предай Господу надежду твою и уповай на Него, и Он совершит (ср. Пс. 36:5)». Габриэлло послушался и тут же утих.

Хотя врачи и все прочие думали, что он без труда протянет ещё денёк (ведь дышал он совершенно ровно, и голос его был твёрд), Филипп, однако же, сказал: «Всё отнюдь не к тому идёт, ибо едва он сдвинется с места, тут же и умрёт». И предсказание его не преминуло оправдаться: действительно, через полчаса Габриэлло повернулся на правый бок, устремил взор на Филиппа и, призвав имя Иисусово, с полнейшей безмятежностью испустил дух. Причём лицо его внезапно озарилось столь изысканной красотой, что показалось чуть ли не ангельским ликом.

[220] Упоминавшийся выше Джакомо Мармита, секретарь кардинала Монтепульчанского, чрезвычайно преданный Филиппу, отличавшийся замечательным благоразумием, ученостью и благочестием, заболел чрезвычайно сильной горячкой и долго мучился острыми болями в животе, которые довели его в конце концов до предсмертного состояния. А так как люди по своей природе хрупки и немощны, то он лежал в такой глубокой тоске, что, казалось, ничто не могло смягчить его скорбь. Поэтому Филипп, который по любви своей часто навещал болящего, молвил: «Будь твёрд и мужествен (Втор. 31:7), сын мой! Воззови к Богу твоему (Ион. 1:6) и скажи со мною: «Бог нам прибежище и сила, помощник в тяжких скорбях...» – «...постигших нас» (Пс. 45:2. – пер. П. Юнгера), – тут же дополнил Мармита. Затем Филипп продолжил ободрять и утешать страждущего молитвами и речами поистине боговдохновенными. И не напрасно, ибо луч божественного сияния как раз вовремя блеснул во тьме, объявшей Мармиту, и, разогнав мрак печали, вернул ему прежнее спокойствие духа и безмятежность, в итоге чего он с радостным оживлением удостоился надлежащего завершения жизни своей, прожитой благочестиво и свято.

[221] Никколо Джильи, пресвитер нашей конгрегации, француз по происхождению, человек во всех добродетелях испытанный и изведанный (за что и был особо дорог Филиппу), крайне тяжело заболел, отчего жизнь его подошла к концу. Так вот, однажды в нашей обители внезапно послышался страшный грохот, словно бы от камнепада или железных колесниц, или даже грома, а святой отец тем временем творил молитву, служа в одиночестве мессу в отдельной капелле. Когда он вдруг закричал, наши помчались туда, а самым первым – Пьетро Консолини. Коему Филипп тут же и приказал: «Сходи скорее к Никколо и дай мне знать, как обстоят дела».

Он послушался, помчался к Никколо и обнаружил, что тот в радости простирает руки к небу, повторяя снова и снова: «Возблагодарим Господа Бога нашего! ...Пришёл, ушёл, побеждён!» Филипп же, услышав всё это, сказал: «Хватит, хватит». Потом и сам пришел к больному. Тот же, едва завидев его, сразу воскликнул, молвив: «Отче, не знал я тебя прежде... Почему мы с тобой так поздно познакомились?!» Это означало, что сей превосходный муж при последнем своём издыхании по откровению Божью гораздо яснее, чем прежде, познал дивную святость Филиппа, и испытал, как скор он в помощи при столь трудной брани.

[222] Карло Маццеи, ещё один ученик Филиппа, тяжело хворал, и в час предсмертной муки напал на него врага рода человеческого в ужасающем облики и, дабы человека, устрешённого жутким видением, довести до отчаяния в спасении, представил его взору в один миг сразу всё дурное, что он когда-либо помыслил, или сказал, или сделал. На что Карло по вдохновению свыше вообще ничего не ответил, кроме «Взываю к Филиппу», и побеждённый сими словами, гордый и коварный враг бежал, покрытый позором. Позднее блаженный отец сказал, что Карло угодил бы бесовские сети, если бы попытался состязаться с бесом на словах, а так его душа благодаря вере и смирению обрела место спасения.

И правда, среди всех близких знакомых Филиппа было хорошо известно, что в его присутствии (особенно когда он приходил к больным, и спрашивал: «Ну и кто у нас тут?»), бесы тотчас же обращались в бегство, а все искушения напрочь развеивались; причём многие воочию видели, как с приближением блаженного отца лукавый позорно пускался наутёк.

[223] Кроме того, такую же любовью и добротой Филипп окружал в годину болезни не только своих учеников, но и людей посторонних; особенно же тех, кто дурно к нему относился. И, умолчав пока о большинстве из таковых (о них мы поговорим ниже, когда это будет уместнее), упомянем здесь только то, что, когда один из этих людей, крайне враждебно к нему расположенный и недостойно обращавшийся с кем-то из его духовных чад, тяжело заболел, святой муж (хотя не мог проводить о том иначе как сверхъестественным образом), возвратившись после литургии в ризницу, сказал, что молился о нём ревностнее, чем обычно. Притом обнаружилось, что именно в то время его постиг внезапный недуг; и вселяющий отец так проникся к нему состраданием, что каждый раз, когда думал о нём, не мог сдержать слёз.

А в качестве кратенького послесловия к этому хотелось бы добавить пару увещаний, которые сей благоразумнейший муж обращал к своим ученикам, когда они намеревались навещать больных, особенно находившихся уже при смерти. Во-первых, не следует ограничиваться одними словами и вообще не нужно перегружать больных разговорами, лучше своевременно поддержать их молитвами. Во-вторых, нельзя брать на себя роль пророка, то есть предсказать исход недуга, ведь бывали такие, что прочили больному смерть, а тот, наоборот, выздоравливал, и тогда они аж досадовали, что предсказанию «не посчастливилось» сбыться.

ГЛАВА XVIII. КАК ОН ИЗБАВЛЯЛ МНОГИХ ОТ РАЗЛИЧНЫХ ИСКУШЕНИЙ, НЕПРИЯТНОСТЕЙ И МНИТЕЛЬНОСТИ

[224] Однако заботливость его и попечение простирались не только на болящих, но и на всех, кто только страдал от каких-либо искушений, или мучительной

мнительности (scrupulorum), или уныния; ибо не было человека, который был бы настолько скорбен и потерян, чтобы он его вмиг не ободрил и не воодушевил неизреченной милостью своей и благостью.

Марчелло Бенчи, знатный монтепульчанец, впав в отчаяние, весьма беспокоился, что тяжко оскорбляет Бога. Он уж не раз излагал всё Анджело Велли, который выслушивал его исповеди, но тот, понимая, что уныние его достигло чрезвычайно опасного предела и не всякому духовнику легко будет уврачевать оное, молвил: «Коли желаешь исцелиться от сего недуга и избавиться от столь глубокого отчаяния, ищи-ка прибежища у о. Филиппа!» Марчелло незамедлительно пошёл к Филиппу и, открыв ему боль свою, молил о помощи и излечении. Дивное дело! В тот самый миг, как он заговорил с блаженным отцом, почувствовал, что чудесным образом обретает бодрость и душевные силы; и ещё не окончился разговор между ними, а он уже был свободен от всякого искушения и подавленности, причём не просто на какое-то время, а навсегда.

[225] Антонио Фантини, бедный в мире сем, а верою богатый, в течение тридцати лет ходил на исповедь к Филиппу, а последние двадцать, как правило, ежедневно. Притом что когда-то в молодости, после женитьбы на юной девице, он заметил, что один из слуг некоего знатного мужа повадился гулять туда и обратно по улице, на которой он жил, поглядывая при этом в окна. А поскольку Антонио был нрава боевитого и получил военную выучку, он подошёл к тому человеку и в ясных выражениях запретил там прохаживаться, иначе, мол, пожалеет. Когда же упрямец отнюдь не оставил своей привычки, Антонио, воспылав гневом, задумал убить его. Однако три дня спустя ему помешал праздничный день, ведь у него было правило по праздникам ходить на исповедь к Филиппу. Хотя всё существо его крепко тому противилось, он всё же заставил себя пойти к святому и, пав перед ним колени, открыл свои помыслы. Отец по своему обыкновению погладил его по голове и молвил: «Ступай, ступай!» Хотя Антонио только что был страшно взволнован и озабочен, однако, едва услышал эти слова, тут же исполнился некоей радости, а все его волнения внезапно улеглись. К нему вернулось прежнее спокойствие духа, и если ему случалось наткнуться на своего соперника, он ничуть не чувствовал в себе ни волнения, ни горячности. При этом, пожалуй, вот что куда удивительнее: с того самого дня больше ни разу не видывали, чтобы упомянутый слуга снова заходил в Антониев квартал.

[226] Некий юноша, не очень давно подружившийся с Филиппом, всё никак не давал себя убедить простить нанесённую ему обиду. Итак, когда блаженный отец, постаравшись многими доводами убедить его, нисколько в том не преуспел, подступил, наконец, к нему и, держа образ Распятого в руке, с великим пылом духовным молвил: «Посмотри, пожалуйста, и размысли, сколько крови пролил за себя Господь твой, а не только добровольно простил врагов Своих, распявших Его, но даже Отца просил простить их! Неужто ты не понимаешь, несчастный, что каждый день, произнося Молитву Господню, ты не не прощения за грехи[свои] взыскуешь, а кары [себе за них]?» Сказав это, он чрезвычайно внушительно велел юноше стать на колени пред образом Распятого и помолиться Ему такими словами: «Господи Боже, хотя Ты и висишь на кресте, руки и ноги Твои пробиты, кровь из пронзённого бока вся излилась, однако для моего спасения этого недостаточно! Потому надобно опять

пронзить Твоё сердце и ещё крови пролить (если сколько-нибудь осталось), ведь той, что Ты доселе излил за меня, мне явно не хватает!». Едва юноша, повинувшись велению отца, преклонил колени, как его внезапно проняла дрожь, волосы стали дыбом от изумления, и он в безмолвии замер. Дрожь отпустила его только спустя довольно продолжительное время, и он, наконец, овладев собой, подошёл к Филиппу и молвил: «Слушаюсь, отче, и отныне охотно прощаю! Что ни прикажешь, всё исполню!»

[227] Пьетро Фочиле, о котором уже говорилось прежде, пришёл однажды к Филиппу на исповедь, а святой не захотел его слушать, но сурово укорил его за то что, несмотря на частые увещевания, он постоянно пренебрегал повелением духовника. А Пьетро, будучи норовист и вспыльчив, разозлился на это и призадумался: «Ничего себе! Неужто в Городе не найдётся никого, помимо него, кому я мог бы грехи исповедовать?!» И, паче прежнего злобясь, направился в церковь Общества Иисусова и приступил к исповеди. И тут внезапно его охватила такая тоска и душевное смятение, что никак не мог обрести покоя.

Через два дня Филипп велел позвать его, и – дивное дело! – едва Пьетро получил это известие, вновь обрёл способность радоваться. Итак, явился он к блаженному отцу и, пав пред ним на колени, с горьким плачем клял свою прежнюю строптивость. А Филипп с присущим ему человеколюбием крепко его обнял и мягко вразумил. Тогда Пьетро в счастливом восторге воскликнул: «Право же, отче, обещаю, что отныне буду внимателен к твоим словам!» И он на самом деле до конца жизни исполнял своё обещание.

[228] Элизабетта, графиня Читта-дель-Кастелльская, три или четыре месяца подряд мучилась от некоего ужасного искушения, пока, наконец, Анджело Велли, к которому она обычно ходила на исповедь, не направил её к Филиппу, дабы она открыла ему свои помыслы. Графиня послушалась и без промедления бросилась к ногам святого. А отец, хоть и видел её впервые, молвил: «Ах ты бедняжка! На тебя явно навалилась куча искушений, не так ли?» И поведал ей обо всех чувствах и тайнах души её, чему женщина чрезвычайно изумилась, ибо сие могло быть известно одному лишь духовнику её. Затем Филипп продолжил: «Успокойся; я как раз собирался служить литургию, так что вознесу за тебя молитвы к Богу». После этих слов знакомый трепет охватил его, и он, поднявшись со своего места, пошёл творить Жертву святую. Именно в это время Элизабетта уразумела, что полностью избавилась от беспокойства, и никогда более таковые искушения её не смущали. А на следующий день, когда она снова зашла в нашу церковь, блаженный отец, едва завидев её, молвил: «Ну славно ведь у меня получилось?! Так что в будущем, если что-то понадобится, заходи снова ко мне!» С того дня графиня всё глубже почитала Филиппа, считая его как бы сверхчеловеческим существом.

[229] Муцио Акиллеи, каноник из Сан-Северино и богослов кафедрального собора, когда-то ещё в юности поверил Филиппу и положился на него, а святой муж во время таинства исповеди открыл ему тайны сердца его, отчего Муцио так уверился в его святости, что вообще ничего не смел делать, не посоветовавшись с ним очно или заочно, и даже ещё при жизни призывал его на помощь, точно небожителя какого-нибудь. И не напрасно; ведь однажды, возвращаясь в Город, он [соскользнул] с высокой и крутой скалы в уединенном месте и вот-вот, казалось, угодит в Тибр, но

воззвал к Филиппу (который тогда был ещё жив) в молитве, скрепив её обетами, и тотчас почувствовал, что он, словно бы оказавшись рядом, помогает ему. И это он, по собственному утверждению, испытывал всякий раз, когда призывал святого в час искушений и душевных замешательств.

Более того, многие свидетельствовали, что каждый раз, когда они очищались перед ним душу в святой исповеди, или рук его касались, или применяли указанные им средства, то какое бы их ни мучило искушение, они немедленно от него исцелялись и набирались сил; а некоторые даже сообщали, что им достаточно было призвать имя Филиппа, чтобы благополучно избежать тех или иных нападений бесовских.

[230] Кроме того, многих он избавлял также и от других от других духовных недугов.

Джулио Петруччи, дворянин из Сиены (который потом по настоянию блаженного отца поступил на службу к св. Карлу, кардиналу Борromeо) страдал от страшной тревожности. Когда же он изрядно наслышался о добродетели и святом нраве Филиппа, то обратился к нему, не только ради того, чтобы очистить свою совесть [в таинстве исповеди], но и в твёрдой надежде на то, что все его муки рассеются. И надежда его не обманула: едва он рассказал о своей беде святому отцу, как тотчас же тревожное напряжение улеглось, и он вновь обрёл покой и безмятежность. Размышляя наедине с собой о случившемся, Джулио всё больше проникался благоговением к святости сего мужа и с того дня всецело подчинился его руководству, а в итоге до старческих лет богобоязненно участвовал в занятиях нашего Оратория.

[231] Когда на престол Верховного понтифика был возведен Сикст V, между Бернардино Котта и Герардо Караччи, духовным сыном Филиппа, возникла ожесточённая распря из-за того, что каждый из них изо всех сил стремился получить при новом понтифике должность заведующего папской аптекой. Враждебность между ними день ото дня возрастала, пока малого уже не доставало, чтобы они бросились друг на друга с оружием. Сестра Герардо, страшно волнуясь из-за этого, ни свет ни заря пришла в нашу церковь, а поскольку не встретила в храме священника, которому обычно исповедовалась (то был Джанфранческо Бордини), пала на колени перед Филиппом и открыла ему причины своего беспокойства. Будто бы занятый чем-то другим, Филиппу оборвал её: «Хватит, хватит, возвращайся домой, не мешкай!» А когда она добавила, что хотела бы заказать от имени брата три мессы во славу Святого Духа, отец молвил: «Превосходная мысль! Я как раз собирался именно за него служить мессу! Дерзай, дочь (Мф. 9:22), будет тебе по желанию твоему!» И после этих слов он подался в ризницу, возложил на себя священные облачения и совершил Божественную литургию, на которой попросил присутствовать и ту женщину.

Вскоре после того, вернувшись домой, она застала Герарда в радостном восторге, потому что он добился всего, чего желал, причём даже с согласия своего соперника. Когда же Герардо услышал от своей сестры о её встрече с Филиппом, то от безмерной радости его не смог удержать хлынувших слёз. И, возблагодарив Бога, молвил: «Право же, я всегда подозревал, что Филипп – из святых, но отныне он для меня точно святой и будет таковым во веки веков!»

[232] Джамбаттиста Маньяни, болонский дворянин из ближайшего круга Верховного понтифика Григория XIII, проиграл огромные деньги, отчего впал почти в полное отчаяние, но явно не без содействия Промысла, проходя неподалёку от Обители милосердия, натолкнулся на Филиппа. И хотя блаженный отец даже не знал этого человека в лицо, тем не менее, чувствуя побуждение свыше, вдруг схватил его за руку и молвил: «Не думай, что твои дела безнадёжны, ибо Бог окажет тебе помощь. Пожалуйста, очисться в таинстве исповеди, и тут же увидишь спасение Господне, посылаемое тебе (ср. 2 Пар. 20:17)». Так и эдак весьма дружески с ним говоря, Филипп проводил его в близлежащий храм – св. Иеронима, выслушал его исповедь и, возложив ему на голову руку, (дивное дело!) рассеял все его тревоги. Поэтому, пораженный внезапной переменой в себе, он всюду рассказывал о Филиппе, с удивлением восхваляя его.

Боэцио Джунта, клирик из Синигальи, мучился, смущаемый множеством тревог. Когда однажды он зашёл в упомянутую обитель св. Иеронима и увидел Филиппа, сидевшего по своему обыкновению в исповедальне, он стал перед ним на колени, намереваясь очистить совесть. Не успел он ещё и слова промолвить, как святой, силою свыше почувствовав, в чём дело (ведь он никогда прежде не видел этого человека), возвёл к небу взор и молвил: «Господи, сколь многими скорбями терзается эта душа!» И без лишних слов выслушал кающегося, а отпустил его исполненного радости.

[233] Бартоломео Мантика, римский клирик, которого Цезарь Бароний нанял корректором типографических ошибок, получил известие, что его отец угодил в плен к разбойникам. Страшно обеспокоенный этим событием, он тотчас пошёл в Валличеллу, чтобы попросить отцов вознести о нём молитвы к Богу и наткнулся на Филиппа, который по окончании мессы снимал священные облачения в ризнице. Итак, подступив к нему с жалким выражением лица, Бартоломео с плачем описал своё несчастье. Святой же ему в ответ молвил: «Ободришь, сынок, с твоим отцом ничего худого не случится!»

Позднее он вернулся к Филиппу и сообщил, что за его отца требуют тысяча пятьсот золотых, а если не будет уплачено, то через несколько дней его предадут смерти. Услышав это, слуга Божий восскорбел духом и возмутился и сказал (Ин 11:33-34): «Да как вообще так можно, ведь этому несчастному и ста золотых не уплатить! Вот что: ступай к капуцинам, они своими молитвами помогут тебе в этой беде». А Бартоломео в ответ: «Уже ходил, помолились». «Что ж, нужно ещё разок к ним сходить, – молвил отец с весёлым выражением лица, – и поусердствовать в молитвах, ибо Господь непременно возвратит его тебе в целости и сохранности». Сказанное не преминуло сбыться: через несколько дней стало известно, что паче чаяния отцу Бартоломео чудом удалось вырваться из рук разбойников без всякого ущерба и убытка.

[234] Некая женщина из императорского дома, жившая в Италии, десять лет терзалась от тягчайшего беспокойства. Когда представился случай, Филипп написал ей утешающее письмо, по прочтении коего она вдруг исполнилась такой радости, что впоследствии открыто заявляла, что не пожелала бы никакой иной участи, даже если бы ей предложили целое королевство; и по её словам такой [мир душевный] она обрела (по милости Божией) благодаря молитвам Филиппа.

Разного рода обстоятельства вогнали Пруденцу Диас, знатную римскую даму, в страшную тоску и смятение, отчего она не могла обрести ни минуты покоя, была не в силах ни видеть никого, ни говорить ни с кем, раздражалась по пустякам, и ничто не приносило ей ни облегчения, ни утешения. И вот, впав в крайнюю тоску, она пришла в нашу церковь и поведала Анджело Велли, которому обычно исповедалась, о несчастиях мятущейся души своей. Он утешал её на все лады, но напрасно.

А так как она всё чаще отвергала предлагаемые ей целительные средства, и Велли видел, что с каждым днём она становится всё сердитее и упрямей, попросил он её, наконец, поделиться всеми [своими переживаниями] с Филиппом. Отец как раз находился тогда в храме и сидел напротив Велли в исповедальне. Итак, едва увидев приближающуюся женщину, он молвил: «Ты пришла сюда в ярости; что ж тебя так рассердило? Стань-ка тут на колени!» Сказав сие, он к её изумлению поведал ей обо всех её сокровенных чувствах, а затем, сотрясаемый столь присущей ему дрожью, возложил ей руки на голову, запечатлел крест на лбу женщины и, наконец, взмолился Господу. В тот же миг (дивное дело!) он не только унял её душевные и телесные муки, но и, словно бы намастив её небесной сладостью, пробудил в ней острую молитвенную жажду. Затем отец спросил: «Ну как ты?» А она в ответ: «Превосходно!» И поблагодарив его в учтивейших выражениях, пошла затем обратно к Велли, радуясь и бурно выражая своё ликование, рассказала ему, что случилось, и с того дня несказанно чтит Филиппа за чудотворную святость его.

[235] Почти то же самое случилось с Ливией Вестри Орсина: поскольку её целых шесть месяцев страшно беспокоила тягчайшая тревога, упомянутый Велли велел ей сходить к Филиппу. Выслушав её, блаженный отец произнёс лишь «То, чего ты боишься – ничто», и в то же мгновение развеял все душевные муки её.

Не иначе исцелился и Камилло Панфилио (отец Иннокентия X, Верховного понтифика), который из-за тревоги, вызванный до крайности важным делом, не мог уснуть всю ночь напролёт. Однако, едва он на самом рассвете пришёл к Филиппу, намереваясь, как обычно, сообщить ему обо всём, святой, увидев его, тотчас же сам заговорил, молвив: «Как ты вовремя, Камилло! Как дела у тебя? Я всю эту ночь пробыл рядом с тобою». Изумился тот словам блаженного отца, а от тревоги у него и следа не осталось; освободившись же от неё, он устроил всё затем по своему разумению.

Наконец, Джироламо, кардинал Панфилио, родной брат только что упомянутого Камилло, оставил такое свидетельство: «Право же, я при любых обстоятельствах прибегал к Филиппу, и какая бы при том ни тревожила меня забота, чувствовал облегчение от его совета и молитв; поэтому, когда он помогал мне, я действовал уверенно и не было ничего такого, что могло бы меня утратить».

[236] Кроме того, он обрёл от Господа замечательную способность развеивать навязчивое уныние и некоторые виды мнительности, обременяющей совесть.

В церкви св. Григория при Кливо ди Скавро (сохранившаяся до нынешних времён древнеримская дорога на римском холме Целии. – прим. пер.) находился некий римский вельможа. И вот принесли туда тело покойника, а случилось так, что в похоронной процессии среди прочих оказался один известный в городе одержимый. По завершении погребальных обрядов муж тот [вельможный] весьма

любопытство его, ибо после многих [ругательств] тот человек с искажённым гневом лицом молвил: «Ты тоже одержим бесом!» И-за этого вельможа сильно испугался и глубоко призадумался, вдруг это правда?

Между тем, волнения его душевные день ото дня возрастали, так что он в конце концов почувствовал себя столь несчастным, что вверился некоему священнику, чтобы тот изгнал из него беса и исцелил его. И действительно, впадая в бессознательное состояние, он произвольно говорил и творил такое, что легко было предположить, будто он действительно одержим злым бесом.

Поскольку же такого рода средства не исцеляли его, а, наоборот, от лечения он недужил всё хуже, то призвали в итоге опытейших врачей и прибегли к сильнейшим лекарствам, дабы отогнать эту меланхолию. Но напрасно. Итак, измождённый затяжными бессонницами и несварением так, что осталась от него только кожа да кости, он уже не надеялся выжить. Среди прочих навестила его тётка, терциарка обители (ex Turre Speculorum Oblatis) Торре ди Спекки, и, глубоко сострадая несчастью родственника, ринулась к Филиппу: просила его и молила пособить по милости своей несчастному юноше. Тогда отец пришёл к нему и, возложив на него руки, молвил: «Спокойно, никакой бесовщины у тебя нет». После этих слов он велел ему спеть вместе с Антонио Галлонио, которого привел с собой – для того, понятное дело, чтобы вывести из печали измученную и обессиленную душу. А когда вдоволь напелись, пригласил его в Валличелу и ушёл.

[237] Итак, привлечённый сей кротостью и любезностью, юноша явился в нашу церковь и там наткнулся на Филиппа, который, ласково и милостиво его приняв, велел ему преклонить колени, а затем, прихватив его за голову, осторожно привлёк к груди, бормоча про себя что-то для меня неразборчивое и сотрясаясь. Внезапно он чувствует душевный подъём и прилив сил, а отец его и спрашивает: «Ну как?» А он в ответ: «Я совершенно выздоровел!» И с того дня он так сильно привязался к Филиппу, что приходил к нему каждый день и не отступал от него ни на шаг.

Когда же свершил пред святым подробнейшую исповедь за всю свою жизнь, то, не прибегая ни к каким прочим средствам, восстановил как душевное, так и телесное здоровье и до конца дней своих посещал занятия в Оратории.

Нельзя, пожалуй, обойти молчанием ещё одну подробность: в те самые дни, когда он избывал зло своей прежней жизни в таинстве исповеди, то сказал, что не может своими силами исторгнуть из души своей мысль о собственной [одержимости]. «Не беспокойся, – молвил Филипп, – ибо я нынче ночью изгоню из тебя беса». И вот как-то ночью тому юноше привиделось во сне, будто он извергает из уст своих великое множество бесов; в тот же миг он призвал имя Иисусово и осознал, что полностью исцелился от душевных мук. А когда настал день, он попытался было рассказать об этом блаженному отцу, но тот, страшно ненавидя, как известно, любую похвалу себе, прервал разговор и, легонько шлёпнув его по щеке, сказал: «Иди и впредь не греши!»

[238] Доменико Сарачени, знатный в своё время врач, так тяжело страдал от меланхолии, что никакое лекарство не помогало ему. Наконец он с великим упованием обратился к Филиппу. Когда тот пришёл, он со своим обычным человеколюбием обнял его и молвил лишь только: «Не беспокойся; обязательно

поправишься». При сих словах Доменико тотчас же почувствовал прилив сил, и одно это лекарство полностью устранило его недуг.

Почти то же средство пошло на пользу одному придворному из числа знатнейших, который в равной мере страдал от такого же недуга, и хотя наружно ему удавалось скрывать душевную муку, однако дошёл он почти до отчаяния. Итак, когда отец увидел его, молвила: «Не отчаивайся, пожалуйста!» – и едва прозвучали эти слова, болящий тотчас воспрял и укрепился.

[239] Помимо того многим, кто страдал от пренеприятного и в высшей мере трудноизлечимого недуга мнительности (*scrupulorum*), он, прибегая к многообразным способам убеждения, вернул душевное здравие и покой. Все таковые случаи было бы слишком долго перечислять, а поэтому мы упомянем здесь только два из них, по которым каждый легко сможет представить, какую силу Филипп получил от Господа в этом деле.

Джулиано Фускерио, священник исключительного благочестия и добродетели, один из тех, кто работал в обители Милосердия, однажды заметил, что одного из его духовных сынов так назойливо донимает мнительность, что он уже почти не в силах приступать к таинству исповеди. Он вверял его опеке множества иноков, причём даже самых набожных и искренних, но напрасно.

И вот однажды он привел его к Филиппу. Едва увидел его святой отец, тут же молвит: «Да я тебя прекрасно знаю, сын мой: ты, правда, мучаешься дьявольскими искушениями, однако ободрись – исцелишься!» Сказав так, он крепко обнял того человека, сказавши: «Не поведаешь ли о грехах своих предо мной и Фускерио?» «Право же, я весьма охотно, – отвечал он, – ибо ни стыд, ни страх не удерживают меня от признания в них, но вот только тайные глубины души моей я открыть и изъяснить не в силах». Тогда святой муж ему: «Ну давай; прямо тут преклони колени и немедля исповедайся в своих грехах». Тот послушался, а Филипп слушал-слушал, да и молвит: «Довольно, я ничего больше не хочу от тебя слышать». Сказав сие, он отпустил грехи кающегося, а затем велел ему поцеловать землю, и тот пошёл восвояси, от всех мук свободный и радостный.

Другой некто, по свидетельству кардинала Федерико Борromeо, страдал от жутких терзаний совести во время чтения службы Часов. Поскольку недуг сей день ото дня постепенно усиливался, а лекарства от своей болезни найти он не мог, то в отчаянии обратился к Филиппу. А тот, захлопнув дверь комнаты, что была распахнута, прямо пред лицом его, молвил: «Я попрошу Бога за тебя!», и так, не выслушав, велел ему уйти. Короче говоря, он возвращается домой, начинает молитвы Часов, совершает их без малейшей запинки и волнения, и с тех пор ни тревога какая по этому поводу, ни страх никогда не вторгаются в его душу.

[240] Филипп обычно предписывал несколько средств от этого убийственного недуга; и прежде всего следующее: если как-нибудь убедишься, что не давал согласия на дьявольские внушения, то никогда не обдумывай заново, согласился или нет, ибо часто, если к этим [соблазнам] возвращаешься в мыслях, они каким-то образом снова возгораются.

А для того, чтобы устранить все сомнения и страхи из душ робких, он указал два вполне надёжных довода и признака. Первый заключался в том, чтобы каждый, кого искушает какой-нибудь порок, должен снова и снова проверять, что прямо в миг искушения остаётся привержен противоположной пороку добродетели, ибо тогда можно твёрдо верить, что не поддался. Второй – поразмыслить, готов ли подтвердить под присягой, что дал согласие на такого рода искушение, или же нет, ведь если не может поклясться, то это будет признаком того, что никакого согласия с его стороны не было.

Кроме того страдающие этим недугом должны добровольно подчиняться суждению своего духовника, а мелочные угрызения совести и мнительность презирать. По этой причине он зачастую отказывался принимать у таковых исповедь и, не выслушав, приказывал приступить к Святой Евхаристии.

Но в конечном итоге при этом недуге по его словам можно надеяться на перемирие, а не на мир; и единственное лекарство, что здесь помогает – смирение.

[241] Если можно представить кого-то рождённого или созданного нарочно на утешение скорбящих, то это, конечно, Филипп, ибо не только его слова чудодейственно ободряли, но даже прикосновения и просто облик. Поэтому Тиберио Риччарделли оставил личное свидетельство о том, что каждый раз, когда Филипп ласково трепал ему волосы, он ощущал огромную радость в душе. И то же самое по собственному утверждению часто испытывал кардинал Цезарь Бароний, когда блаженный отец в былые времена в шутку потчевал его тумакami. Тем же в равной мере хвалился и Оттавио, кардинал Бандино; и почти всё, очищавшие совесть [в исповеди] пред Филиппом, свидетельствовали, что, когда он возлагал на них руки, их обычно охватывал такой пыл духовный, что аж сердце, казалось, выпрыгнет от радости.

Пеллегрино Альтобелло, каноник церкви св. Марка-в-Городе, говорит: «В подтверждение святости Филиппа, сообщая, что от его речей я всегда ощущал в сердце такую усладу, что не мог оторваться от него. Всякий же раз, когда, проходя по Городу, он встречал меня, то, обхватив ладонями мне голову, спрашивал: «Как ты? Как дела?» Тогда-то я и переживал невероятную радость и чувствовал, что от его тела исходит сладчайший аромат. А однажды, что мне особенно запомнилось, когда я наткнулся на него около дворца кардинала Сфорца, он, стремительно приблизившись ко мне, по своему обыкновению сжал мои руки в своих и молвил: «Как поживаешь, святой муж Пеллегрино?» И в то же мгновение меня исполнило столь дивное удовольствие, что я уже знать не знал, где нахожусь и куда путь держу».

[242] Не только голос Филиппа, руки его и лицо имели утешительную силу, но даже просто комната его доставляла всем столько утех, что совершенно устраняла душевные волнения и скорби. Поэтому Марцио Альтьери говаривал, что комната Филиппа – это земной рай. О том же свидетельствовал Джулио Бениньо, архиепископ Фессалоникийский. А кардинал Федерико Борромео чувствовал в этом месте такой прилив сил, что ходил туда просто ради подъёма настроения. Ещё один кардинал, Алессандро Медичи, который впоследствии был возведён в сан Верховного понтифика и носил имя Лев XI, имел обыкновение приходить туда по

несколько раз в неделю и проводил там по пять-шесть часов и горько сожалел, что ночь наступает слишком рано, лишая его столь прекрасного наслаждения.

Многие другие, едва подходя к дверям его комнаты, испытывали чувство невероятного утешения и наслаждения. По этой причине Фабрицио де Массими, если его вдруг постигло какое-либо душевное смятение, тут же направлялся сюда и силою сего средства отгонял от себя все недуги. В связи с чем однажды кардинал Августино Кузано, подойдя, застал его стоящим там и спросил, почему он не входит в комнату. А он: «Мне более чем достаточно, – говорит, – постоять у дверей; ведь здесь я сразу же обретаю утешения вволю».

Наконец, Неро дель Неро даже по кончине Филиппа, когда чувствовал какое-либо беспокойство, обычно поспешал в ту комнату, словно бы в некую гавань, и тут же обрел желанный душевный покой.

Не было недостатка и в тех, кто благодаря одному лишь присутствию Филиппа вновь обретали былую радость после тяжелой скорби. Именно об этом оставил в числе прочих свидетельство своё Монте Дзадззара, а Ридольфо Сильвестри, врач Григория XIV, Верховного понтифика, под присягою подтвердил, что никогда не испытывал большей улады духовной, чем в присутствии Филиппа. Некоторые даже весьма утешались одним лишь тем, что видели его во сне.

ГЛАВА XIX. ЩЕДРОДАТЕЛЬНОСТЬ ФИЛИППА И СЕРДЕЧНАЯ НЕЖНОСТЬ К НЕСЧАСТНЫМ

[243] Внимание Филиппа было целиком поглощено исцелением душ своих ближних, а соответственно, все свои силы он отдавал заботе об их телах. Поэтому, когда он посещал нищих и немощных, то старался помочь им не только деньгами, но и другими вещами, которые, как ему казалось, помогли бы им в лечении. И не дожидаясь он, чтобы его позвали или попросили, но по своему собственному почину вникал в нужды бедняков, а когда требовалось, зачастую даже ночью, сам приносил в руках или за пазухой что-нибудь для пропитания.

Поскольку же он так горячо пылал огнём человеколюбия, то дано ему было по Божью откровению узнавать о бедствиях многих людей. Так, когда один флейтист из Замка Святого Ангела впал в нужду, то всякий раз, когда ему чего-нибудь недоставало, он тотчас же получал это от блаженного отца, хотя и словом о том ему не обмолвился.

В точности то же самое произошло с Антонио Фантини, о котором мы упоминали выше. Ибо, когда он, оказавшись в крайне бедственном положении, пришёл к Филиппу, собираясь очиститься в таинстве исповеди, блаженный отец дал ему шестнадцать золотых, хотя он ни о чём таком и слова не промолвил.

Подобным образом Филипп на протяжении многих лет щедро поддерживал одного знатного мужа, который, претерпев много бедствий, разорился.

[244] Просто невероятно, сколько он расходовал на нищих, наделяя их то деньгами, то всякой иной всячиной. Ибо всё, что у него имелось – свои ли убогие сбереженьица, либо же что ему доставалось от милости и щедрости других людей, – он тотчас же раздавал нуждающимся. Поэтому однажды он распорядился немедленно сорвать

расшитые шторы, присланные ему одной знатной женщиной в подарок, и раздал вырученные за них деньги нищим.

Была одна мать семейства с четырьмя маленькими детьми и бабушкой; у них не было вообще никаких доходов, с которых можно было бы прокормиться и прожить. Филипп взял на себя заботу и попечение о них и в течение целых четырёх лет каждый день доставлял им всё, что нужно для пропитания, а часто также и на другие их нужды милостиво и щедро жертвовал изрядную сумму денег

Также другую женщину, оставшуюся по смерти Винченцо Миниаторе (о котором мы ещё упомянем ниже) вдовой с шестью детьми, которых она не могла прокормить, он снабдил всем необходимым для повседневной жизни, а девочку из этой семьи, когда её принимали в монастырь, полностью обеспечил тем, что для того полагалось.

Габриэлла из Кортонь, в высшей степени порядочная женщина, оставшись по смерти мужа вдовою с детьми, крайне нуждалась, но и ей во вдовстве её и одиночестве обильно помогал Филипп: даже дочь её умудрился выдать замуж и сам изволил пировать на свадьбе, а с собою привёл Барония, Таруджи и Бордини, а в качестве гимна для новобрачных велел исполнить 50-й псалом «Miserere», причём запевалою был Бароний, а остальные вторили ему чередующимися стихами.

[245] И хотя человеколюбие Филиппа распространялось на всех без разбору, однако он считал себя обязанным проявлять особенную щедрость, облегчая участь бедных девиц. Племянницы Джованни Анимучча, который, как мы видели выше, был одним из первых учеников Филиппа, оказались совершенно лишены какой-либо помощи. Поэтому блаженный отец не только позаботился об их воспитании и прокормлении, но, когда они уже выросли, подарил им шестьсот золотых.

Ещё он долго поддерживал двух юных флорентинок, лишившихся обоих родителей, ибо при жизни в Городе их целомудрие находилось в большой опасности из-за убогого состояния, а позднее отправил их во Флоренцию, где они с его вспомоществованием были приняты в число посвящённых дев.

Ещё одной девице он дал восемьдесят золотых, необходимых ей для вступления в монастырь.

Также и трёх других девушек, лишившихся не только всего имущества, но и надежды, он выдал замуж, а одному из их женихов выдал в добавок к приданому сто золотых.

[246] Была одна бедная вдова, обремененная шестёркой детей, а с нею также две другие бедные женщины, которые во всём подражали поступкам Филиппа. И вот по свойственной сему полу набожности они (нерассудительно и необдуманно) решили собрать девочек – осиротевших, а также брошенных родителями – в одно помещение и воспитывать их, собирая подаяние на прокорм их. А так как Город полон странников и приезжих, многие из которых, бывает, слоняются, обнищавши, по улицам и перекрёсткам (а поэтому умирают от болезней или просто покидают детей. – прим. пер.), то число девочек вскоре достигло почти двадцати. Поскольку же те женщины предприняли очень трудное и рискованное дело, руководствуясь, скорее, дерзанием, нежели благоразумием, то оказались в крайне затруднительных обстоятельствах, ибо они никак не могли прокормить столько ртов и совершенно не

знали, что делать. Как только Филипп уразумел, в чём дело, тотчас же велел привести их и, сурово выбравив, запретил приходить в нашу церковь. Затем он сам взял на себя опеку над девочками и заботился о них, пока одних из них не выдал замуж, другим пособил принять сан посвящённых дев, а иных ещё как-то прилично устроил.

[247] Также и несчастным, что томились по темницам, он старался облегчить участь всеми возможными способами. По этой причине он несколько раз в неделю посылал им, заключённым в разных тюрьмах Города, то денег изрядные суммы, то что-нибудь на пропитание и направлял к ним своих сыновей духовных – навестить, дать совет, уделить время и помочь делом. Кроме того, он наипаче жалел тех из них, кто после обеспеченной жизни по несчастному стечению обстоятельств впал в бедность, а потому вспомоществовал их обильно и щедро.

Помимо ежедневной раздачи милостыни, он ещё выделял ежемесячные денежные выплаты обнищавшим монастырям. Для этого он прибил к внутренней стороне двери список благочестивых обитателей и, часто просматривая его, посылал, когда выпадала возможность, то туда, то сюда что им было нужно.

Юношей же, которые трудолюбиво учились наукам, он (особенно когда примечал, что они даровиты и боголюбивы), он не только подкармливал, но и снабжал со всею душевной широтою тем, что им требовалось для учёбы. Причём тем двоим из них, кому продолжать учёбу мешала скудость имущества, он помогал во всём: одному он подарил свыше тридцати золотых, а чтобы помочь другому, не колеблясь, распродал все свои книги. И что ж, труды его принесли превосходный плод: оба они благодаря своей необычайной доблести и учёности были возведены в кардинальское достоинство.

Наконец, по свидетельству Галлонио, ни было такого нищего, что подошёл бы к нему и остался без милостыни. Поэтому, из-за столь щедрого милостотворения у многих сложилось мнение (о чём мы упоминаем в другом месте), что деньги ему доставались чудом.

[248] Тем паче, что Бог выказал одобрение сей знаменательной милости к явнейшими чудесами.

В год спасения нашего 1550-й святой шёл глубоко ночью к одному знатному мужу, страдавшему от великой нужды, и нёс ему хлеб. И вдруг он заметил, что на него во весь опор мчится карета, а когда, уклоняясь от удара, отпрянул, он упал в глубочайшую яму. Тут, однако, «Ангел Господень взял его за темя и, подняв его за волосы головы его, поставил его» (Дан. 14:36) над ямой, о чём блаженный отец сам неоднократно рассказывал некоторым из своих учеников, чтобы подогреть их благочестие.

Примерно в то же время опять встретился ему ангел – в образе бедняка – и протянул ему руку, прося милостыни. Святой, поскольку был добр и милостив ко всем, тут же протянул ему все деньги, сколько имел при себе. Тогда бедняк молвил: «Я всего лишь хотел так проверить, что ты станешь делать», - и, сказав сие, тотчас же исчез. Филиппа, который и так сам по себе был весьма склонен к жалости, это событие словно бы пришпорило, ибо он окончательно уразумел, как угодна и приятна Богу

жертва нищелюбия; и с того дня (как мы только что сказали) он раздавал милостыню всем как можно щедрее.

[249] Собственно, по этой причине ученики величали его отцом не только душ своих, но и тел даже, а после отшествия его большинство не могли удержать слез, едва на память им приходило, как он раздавал милостыни, а иные без колебаний говорили: «Никогда больше не появится такой человек, что сравнится с Филиппом в человеколюбии!»

А кардинал Роберт Беллармин, хорошо известный всему миру своей святостью и учёностью, который был назначен Священной Конгрегацией обрядов вести процесс канонизации блаженного мужа, проведая о столь великой щедрости, изливаемой Филиппом на бедняков, назвал его вторым Иоанном Милостивым (св., пам. 23 янв.).

Не следует здесь также упустить из виду тот факт, что в 1608 году от Рождества Христова, когда бл. Франциска Римская была торжественным чином причислена к лику святых в Ватиканской Церкви, некая женщина, вошедши в тот храм, с великим плачем сказала: «Ну причислят ли хоть когда-нибудь батюшку моего Филиппа к лику святых?! Да, пускай эта преславная и святейшая женщина часто таскала на голове вязанки дров беднякам, но ведь батюшка мой Филипп приходил ко мне домой стократно, тысячекратно! И помимо множества денег, которые он постоянно дарил родным моим, приносил за пазухой хлеб, вино, масло и тому подобное, что потребно для пропитания». Эту же женщину блаженный отец научил простому методу богомыслия: читая молитву Господню, соединяться с Отцом Небесным умом и духом.

[250] И однако же величайшая щедрость Филиппа простиралась не только на нищих, но и вообще на всех повсеместно. Он всегда помнил о благодетелях и проявлял к ним такую признательность, что и представить нельзя. Поэтому кардинал Джироламо Панфило наряду со множеством других свидетельств о нём, оставил и следующее: «Святой отец, пока ещё жил среди людей, чрезвычайно был признателен ко всем, от кого получил хоть малейшее благодеяние, и воздавал им куда полнее и щедрее, а память об их благодеяниях хранил всегда».

Примерно то же самое повторил аббат Маффа: «Филипп, – молвил он, – был так добр и любезен ко всем, что никогда ничего не принимал, не воздав немедля гораздо большим благодеянием – в чём я и самолично убедился. Ибо однажды, когда я послал ему пустяковый, уж даже не помню какой, подарочек (причём насилу уговорил принять его), так он сразу же он прислал мне в ответ медное распятие весьма искусной работы. Которое, кстати, как драгоценнейший дар святого, я храню у себя с величайшею бережностью и благоговением».

[251] Уместно здесь будет упомянуть, что, несмотря на всю свою любовь к нищим, Филипп тем не менее никак не мог стерпеть, чтобы они попрошайничали в храме. Поэтому он сам иногда вставал с кресла, сидя на котором выслушивал исповеди, и заставлял их выйти на паперть, чтобы, значит, они гомоном своим не заглушали богослужения. Точно так же он обычно поступал, заслышав, что расплакался (как часто случается) или раскричался ребёнок, и вообще, когда хоть кто-то так или иначе нарушает благочиние.

Однако горести и несчастья ближних так трогали его, что, будучи в остальном человеком терпеливейшим, именно в этом отношении Филипп, казалось, лишался терпения, ибо он мог бы по праву сказать вместе с блаженным Иовом: «С младенчества моего росла жалость вместе со мною, и из утробы матери моей со мною вышла» (Вульг. Иов. 31:18). И вот, хотя духу его богатство было предельно отвратительно, он хотел всегда иметь под рукою деньги – ради одного лишь того, чтобы раздавать их нищим и облегчать их несчастья.

Однажды он услышал, что бедная женщина не может шагу ступить из дому, потому что ей не во что прилично одеться. Без промедления он сошёл со своей сутаны и послал ей.

Когда видел он мальчиков и девочек в рванье или полунагих, то, движимый неодолимым состраданием, прилагал все силы, чтобы приодеть их получше.

[252] А если ему становилось ведомо, что кто-то несправедливо страдает, он приходил в такое волнение, что независимо от обстоятельств кидался на защиту, как случилось с Тиберио Асталли, знатным римлянином, которому из-за подозрения в человекоубийстве грозила смертная казнь. Филипп, ясно убедившись в его невинности, по его просьбе уговорил самого понтифика защитить его от гибели чуть ли не перед приговором.

Он также мужественно вступился за некоего пресвитера, викария церкви св. Бенедикта (что ныне именуется Святейшею Троицей странников и выздоравливающих), против нескольких довольно влиятельных мужей и тщательно позаботился о том, чтобы о его непорочности и невинности стало всем известно.

Когда однажды до него дошли сведения, что какие-то несчастные египтяне (прозываемые в народе «цыганами») властью и приказанием князя были брошены в тюрьму и несправедливо приговорены к галерам, он взялся на их защиту и через Верховного понтифика Пия V выхлопотал им освобождение.

Позднее, когда Церковью Божией руководил Сикст, пятый папа с этим именем, Филипп защитил одного римского патриция, из числа своих духовных сыновей, от беззакония со стороны многочисленных и чрезвычайно сильных недругов.

Немало было и других, кому он, движимый состраданием, защитил либо имущество, либо достоинство, либо саму жизнь.

[253] Вот о чём ещё, пожалуй, отнюдь не следует в связи с этим умолчать: когда в году 1551-м случился страшный голод, а Филипп однажды получил в подарок шесть буханок хлеба, он тотчас послал их к бедному пресвитеру, остановившемуся в обители Милосердия, а сам в тот день питался несколькими оливками. Когда один из его учеников проведал о том и спросил его, почему он так щедр к другим, а к себе так скуп и суров; почему не приберёт для себя хотя бы половину? А святой и молвил в ответ: «У меня-то много таких, кто меня знает и любит; мне пара пустяков получить помощь, но он, будучи чужестранцем и мало кому знакомым, едва ли смог бы найти кого-нибудь, кто пособил бы ему в нужде».

[254] Сказать – не поверят, с какой трогательной внимательностью он обходился с бедными ремесленниками, и особенно с теми, чьему мастерству и усердию не давали

проявиться затруднительные обстоятельства времени; и потому он беспрестанно размышлял, как бы помочь им.

Были два брата из Франции, которые искусно изготовляли часы, и тем не менее им худо удавалось прокормить своё довольно многочисленное семейство своими повседневными трудами. Итак, Филипп, чтобы выручить их в нужде, начал, словно торговый посредник, время от времени убеждать то одного, то другого заказать такие часы. Посему один из его учеников, увидев однажды, что князь по совету Филиппа приобрёл немало из них, изрядно вознегодовал и, поскольку людям свойственно судить по-разному, размышлял в глубине души: «Чего ради Филипп побуждает столь знатного мужа тратить деньги впустую?» Когда же разобрался получше и понял, что это было сделано в порыве человеколюбия, укорил себя и с того дня всё глубже и глубже чтит добродетель Филиппа.

Некий зеленщик, один из тех, что продают по всему Городу цикорий и тому подобные овощи, пришёл в вечернюю пору в Ораторий св. Иеронима, а поскольку снаружи стоял стеной ливень, не мог шагу ступить оттуда наружу. Увидел сие Филипп и, сжалившись над тем человеком, сам выкупил большую часть зелени, которую тот принёс с собой, и уговорил присутствовавших разобрать что оставалось. То-то радость была бедолаге – домой он вернулся, ликуя.

[255] Мало того, сия жалостливость его распространялась не только на людей, но и в некоторой мере даже и на животных. Поэтому, когда один из наших, проходя однажды через внутренний дворик, наступил вдруг на ящерицу, святой воскликнул: «Жестокий! Тебе что, когда-нибудь навредила эта несчастная зверюшка?»

Однажды ещё он, проходя мимо, увидел, как один мясник избивал собаку, которая напала на другую собаку, и, хотя в других обстоятельствах духом был весьма твёрд и неколебим, это зрелище так глубоко его взволновало, что ему не легко удалось успокоиться.

Один юноша, из числа его духовных чад, словил птичку, которую тотчас принес блаженному отцу. Но когда тот увидел её, тотчас молвил: «Осторожно, смотри, вдруг поранишь! Лучше открой окно да выпусти-ка её!» Юноша послушался, вскоре после того Филипп, встретив его, спросил, что стало с птичкой. «Что касается меня, – молвил юноша, – то я, как ты приказал, отпустил её на волю». Тогда святой ему: «Может, лучше было бы её накормить и воспитать: ведь она только что вылетела из гнезда, так что не смыслит, где найти пропитание, и умрет с голоду».

[256] Да и не только птиц, но и других живых существ он немедленно освобождал, если их вдруг замечал их в неволе – не исключая даже мышей; и порой, когда они (как иногда случается) попадали в мышеловку, приказывал отнести куда подальше и выпустить там, где никто не мог бы их побеспокоить. И если когда-нибудь ему предстояло ехать по Городу повозкой, он уговаривал возницу быть как можно осторожнее, дабы не доставить неприятностей людям или даже животным. Мало того, когда ему посылали в дар живую, как обычно бывает, [съедобную тварь] к обеду, он ни в какую позволял её умертвить, но тотчас пересылал другим с тем указанием, чтобы они или кормили её, или передавали другим. Вот до какой степени его сердце питало жалость даже к зверям!

Нам захотелось рассказать об этом потому, что даже незначительнейшие деяния столь великого мужа, как бы мелки и скромны они ни казались, небезосновательно мы считаем достойными памяти и восхищения. Кроме того, сами звери понимали сию жалость и милость, простирающуюся даже на них, что без утайки выказывали: ибо те из них, которые по своей натуре были свирепы и боязливы, при Филиппе держались заметно кротко и спокойно.

[257] Алоис Аме, француз, один из первых учеников блаженного отца, преподнёс ему двух певчих птичек, которых тот охотно принял, но с тем условием, что Алоис будет ежедневно приходить кормить их. При этом раба Божия заботил, конечно же, не подарок, а даритель. Между тем, пока Алоис усердно выполнял повеление, случилось так, что однажды он обнаружил, что одна из клеток пуста, а дверца в ней открыта. Тогда стал он озиаться вокруг, пытаясь понять, не отлетела ли птичка куда-нибудь, и увидел: Филипп лежал в постели больной, а она нежно пощипывала его за бороду и время от времени испускала пресладостные трели. Святой же, едва заведев Алоиса, спросил: «Скажи-ка на милость, с тобой эта птичка обычно вела себя так?» – «Отнюдь», – молвил ученик, изумлённый сим зрелищем. И тогда святой по всегдашней своей глубочайшей скромности тотчас же отмахнулся от птички, но впустую: она перелетала от лица его к ногам и обратно от ног к лику блаженного отца, и избавиться от неё не удавалось. Наконец Филипп сказал Алоису: «Возьми клетку и покажи этой птичке». Когда сие было исполнено, птица немедля кинулась к ней и впорхнула внутрь, точно бы наделённая способностью разума.

ГЛАВА XX. ДЕВСТВЕННАЯ ЧИСТОТА СВ. ФИЛИППА

[258] Вдобавок к сему несравненному милосердию Филипп наделён был девственной чистотою, и, дабы всегда хранить её невредимою и незапятнанной, он с юных лет мужественно подвизался в борьбе с плотью. Причём этот божественный дар излился на раба Божия поистине чудесным образом – таково было твёрдое и неизменное мнение всех как во Флоренции, так и в Риме. Кроме того, кардинал Цезарь Бароний, которого он (как мы говорили) выбрал себе в духовники, оставил о том основательнейшее свидетельство. Ибо сам блаженный отец за несколько дней до преставления из жизни сей не без обильных слёз укорял себя в том, что мало помнит и благодарит Бога за благодеяния Его – в особенности же за дар вечной чистоты, полученный в качестве исключительной милости.

То же самое подтвердил в высшей степени надёжный свидетель Персиано Роза, который принимал исповеди ещё у молодого Филиппа (как было сказано выше). По этой причине Священная Конгрегация обрядов не раз постановляла, что всё могут принять [эти сведения] как подтверждённые и надёжные.

Наконец, сам святой, незадолго до преставления на небеса, выслушивая исповедь одного из своих духовных чад, увещевал его хранить целомудрие, а чтобы вернее убедить человека, что не только чистоту, но и девство можно с помощью Божией соблюдать в сей смертной жизни постоянно, подкрепил это собственным примером – скромно, но откровенно.

[259] Но и словами апостольскими, и [примерами] опасностей, [которым подвергаются] многие, наученный тому, что «сокровище сие мы носим в глиняных сосудах» (2 Кор. 4:7), он с самого раннего детства и до последнего дня старался

охранять его с величайшим радением. Итак, во-первых, дабы избежать засад духовных разбойников, он завёл следующее обыкновение: скрывал [своё целомудрие] в тайниках глубокого смирения; затем, по повелению Мудрого, «больше всего хранимого хранил сердце своё» (ср. Прит. 4:23); и наконец, днём и ночью неусыпно сторожил окна и двери своего сердца – внешние чувства. Поэтому по примеру Антония Великого он никогда не позволял никому увидеть хоть какую-либо часть тела своего обнажённую, за исключением, разве что, крайней необходимости; и из уст его не исходило (ср. Мф. 15:18-20) решительно ничего, что не благоухало бы чистотой величайшей. Ну и завет положил он с глазами своими не помышлять о девице и о женщине (ср. Иов. 31:1).

Кстати, некая дама, далеко превосходящая всех красотой, чьи исповеди он выслушивал на протяжении целых тридцати лет, под присягою подтвердила, что за всё это время Филипп, насколько она могла заметить, ни разочка не бросил на неё взгляд. В связи с этим, когда он впервые начал исповедовать, то крайне неохотно принимал женщин, каковых с тех пор у него было гораздо меньше [среди исповедующихся], чем мужчин. И слушать их он был готов лишь тогда, когда они располагались с той стороны, где их разделяла решётка; и при этом, отведя лицо и взор, общался с ними твёрдо и резче [чем с мужчинами]. Впрочем, смягчившись в итоге с годами, он несколько отошёл от таковой суровости.

[260] И все же, хотя слуга Божий проявлял при этом столько осторожности и внимания, враг рода человеческого не преставал нападать на него и пытался хоть как-нибудь отвратить целомудреннейшего и чистейшего человека от досточестного девства.

В давности, когда он был ещё мирянином, ему пришлось провести одну ночь у друга. Вдруг некая женщина, что при изрядной красоте стана и лица душой и нравом была куда как безобразна, по наущению нечистейшего беса тайно проникла в его комнату и стала всеми способами соблазнять его на гнусность. А целомудренный юноша, подвергнувшись столь ужасному нападению, не только не лишился присутствия духа, но, ограждённый божественной помощью, мужественно отразил сии дьявольские уловки и восторжествовал таким образом над князем тьмы.

В ту же пору несколько юношей в силу извращения и порчи нравов людских завели его под благовидным предлогом к себе домой и впустили в комнату, где он оказался, двух совершенно пропащих женщин, а дверь замкнули снаружи, чтобы не оставить несчастному пути к бегству. Что делать Филиппу, куда ему деваться, оказавшись взаперти среди столь затруднительных обстоятельств?! Пал он ниц наземь и с таким пылом духовным обратился к Богу, что те дрянные бабёнки, убедившись в тщетности своей затеи, удалились в смятении от стыда и страха, не смея и пикнуть.

[261] Позднее, когда он был уже возведён в священный сан и приступил к свершению таинства исповеди (в свершении коего святость жития его и нрава день ото дня всё более выявлялась), некая знаменитая в Городе шлюха, имя которой было Чезария, уверенная в [силе] своей бесстыдной [привлекательности], вознамерилась поколебать стыдливость святого мужа и много хвасталась своим намерением. Итак, под предлогом болезни она послала за ним и, как бы раскаиваясь в прежних проступках, выказала горячее желание очистить наконец свою совесть.

Хотя Филипп в то время изо всех сил уклонялся чрезвычайно опасной задачи отвращения таких блудниц от нечистоты, тем не менее (всегда будучи весьма озабочен спасением душ) после долгих размышлений, положившись в итоге на силу Божию, направился к той женщине. Едва же он поднялся на верхний этаж дома, как вдруг дерзешая развратница, закутавшись в тонкую и прозрачную вуаль, сквозь которую виднелось её обнаженное тело, тут же предложила себя Филиппу. А он, вознушавшись [словно бы при виде] преуродливой фурии, бросился по лестнице прочь. Тогда женщина, видя, что обманулась [в своих расчётах], пришла в ярость, схватила скамейку и метнула в него – но вотще; ибо по исключительной милости Божией он избежал столь великой опасности, грозившей как душе, так и телу его, уйдя целым и невредимым.

[262] И явил Бог вполне открыто, что сей поистине преславный поступок был Ему угоден и мил. Ведь, начиная с того дня, Филипп (как и св. Фома Аквинский, некогда переживший подобный случай) по благодати свыше не испытывал ни малейшего движения плоти и никогда впоследствии не страдал никакими ночными мороками. Посему и Барония он уверил, что если бы что-нибудь эдакое случилось с ним хотя бы во сне, то он тотчас же испустил бы дух от искренней скорби. Но вместо того он омертвел для всякого плотского чувства и уподобился в этом бревну или камню.

Вот почему Антонио Галлонио дал такое свидетельство о его целомудренной стыдливости. «Право же, – молвит он, – благодаря той доверительности, что была в то время между мною и блаженным отцом, я могу судить, что его вполне можно сравнить с Эльзеаром, графом Ариано (св., пам. 27 сент.), и Симеоном Юродивым (пам. 1 июля), чьё исключительное целомудрие прославлено Метафрастом в возвышенной похвале, [приведённой в сборнике] Сурия (Лаврентий Сурий (1522 – 1578), OCart, издал с 1569 г. по 1575 г. шеститомный сборник «Жития святых Востока и Запада», приобретший огромную популярность среди грамотных католиков. – прим. пер.); ведь он среди людей и среди соблазнов мирских провождал небесную и прямо-таки ангельскую жизнь, вольный от всякой плотской тяги».

[263] Так вот, благодаря сей превозвышенной непорочности и чистоте нравственной что-то удивительное и прямо-таки чудесное просияло в Филиппе. И прежде всего свечение то и ясность девственная виднелись на лице его, а особенно в глазах, которые у него до самой старости сохраняли такую яркость и блеск, что их никаким искусством и старанием не удавалось воспроизвести в живописи, хотя многие художники, причём из числа славнейших, пытались это сделать. Но не так-то было легко передать сверкание в глубине его глаз, ибо из них лучилось что-то огненно-звёздное, что при попытке всмотреться тотчас же слепило взор. Поэтому некоторые с изумлением замечали, что «лицо его, как лицо Ангела» (Деян. 6:15). К тому же тело его источало некое сладкое благоухание, которое приносило удивительное чувство освежения тем, кто обонял его благодаря дружеской близости со святым. Притом многие свидетельствовали, что из-за одного лишь того, что им довелось вдохнуть сего аромата от его груди и рук, они проникались духом благоговения.

[264] Пришёл к нему однажды мантиуанец Фабрицио Арагона, чтобы, как обычно, очистить совесть свою [исповедью], и обнаружил его лежащим в постели и-за тяжёлой болезни; поэтому он без особой охоты приблизился к нему, опасаясь, что

его тело, измученное старостью и болезнями, возможно, будет тяжеловато пахнуть. Наконец, когда он пал ниц перед Филиппом, тот обнял гостя и, откинув одеяло, привлёк его к себе на грудь. И тут Фабрицио почувствовал, что от него исходит сладчайший аромат, прямо-таки небесный, ибо никогда не обонял ничего подобного на земле. Когда же он позднее услышал, что Филипп одарён девственной чистотою, то понял, наконец, происхождение сего необычайного аромата.

Джамбаттиста Ламберти, из так называемых бенефициаров Ватиканской базилики, тоже творил исповедь, и в то время как, уронив голову Филиппу на грудь, он ожидал отпущения грехов, не без величайшего удивления почувствовал тот же самый аромат.

[265] Кроме того, Бог даровал способность узнавать по запаху противоположный целомудрию порок. Поэтому, если ему случалось встретить по дороге какую-нибудь падшую женщину, он, даже совершенно не зная, чем она занимается, подносил к носу руку или платок, выказывая обычное поведение человека, почувствовавшего зловоние. И, по его уверению, смрад сего порока таков, что нет из запахов вообще ничего тяжелее и противнее.

Так вот, когда к нему приходил кто-нибудь, осквернённый этою мерзостью, человек Божий, издавек тут же зачуяв неладное, молвил: «Ты воняешь, сынок!» Часто он также говаривал: «Сынок, я собственным носом чувствую твои грехи». И именно это было причиной того, что некоторые из них, видя, что запутались в этом пороке, с огромной неохотой шли к нему, боясь разоблачения с первого взгляда. И ещё: по запаху и с первого взгляда в лицо он узнавал не только впадших в эту мерзость, но также и тех, кого сколько-нибудь угнетал ночной морок. И вообще даже в зверях Филипп превосходно распознавал нечистоту, если только применительно к ним уместно говорить о нечистоте.

[266] Много было, а, пожалуй, и без числа таковых, кого беспокоили плотские соблазны, а слуга Божий избавил их от всех напастей и неприятностей возложением рук на голову или просто объятием. Весьма многие также чувствовали в себе пробуждение дивной тяги к целомудрию от встреч и общения с ним, и лишь одно это позволяло им сохранять чистоту телесную и душевную. А что может показаться ещё удивительнее, так это то, что самые вещи, которыми пользовался Филипп, с Господим споспешением оказывались чрезвычайно благодетельны для избавления от нечистых искушений такого рода.

Антонио Фуччи из Читта-ди-Кастелло, о котором мы ранее упоминали, превосходный человек и небезызвестный в своё время врач, решил оставить искусство, которым промышлял, по причине того, что при лечении (прежде всего – женщин) подвергался разным нападениям бесовским. Филипп услышал это от самого Фуччи, а когда проведал, что у этого человека есть сёстры и племянницы, нуждающиеся в его поддержке, передал ему какой-то пояс, который сам нашивал, и молвил: «Спокойно исполняй свои обязанности и одного лишь тщательно берегись: глазеть любопытнее, чем подобает». Дивное дело! С того дня Антонио не чувствовал такого рода плотских искушений и занимался своими обязанностями без всяких тревог и неприятностей.

[267] Да само имя Филиппа изгоняло духов нечистых!

Была некая молодница лет четырнадцати, которая, потеряв мужа, страшно терзалась острыми позывами плоти. Посему, впустую (с позволения Божия) испробовав множество духовных средств против этого недуга, Анджело Велли, который был её духовником, направил её к Филиппу. А святой и молвил ей: «Как только почувствуешь, что на тебя нападают такие искушения, так скажи сатане: я буду обвинять тебя перед тем злодеем, перед тем ослом, перед Филиппом!». И когда женщина заявила, что не может сказать такое, «ну же, пожалуйста, – просил отец, – скажи именно так!» Она ушла, а как только приблизился искуситель, заклала его выученными словами и воззвала к Филиппу. Едва она произнесла их, как вдруг осознала, что свободна от всякого беспокойства. Так что с того дня она защищалась этим, словно бы амулетом, от всех напастей дьявольских.

То же самое Филипп научил делать и многих других не без огромной пользы для них, увещевая при этом произносить эти слова просто, без всякого рассуждения или колебания, ибо прекрасно понимал, сколь оный древний и изворотливый змий страшится христианской веры и простоты. И чистота Филиппа так пугала нечистых духов, что даже после исхода из одержимых тел, закланные «во имя блаженного Филиппа», они необычными движениями показывали, что их нечто чудесным образом мучает; причём пьемонтец о. Онофрио Баняско из Ордена Пресвятой Троицы под присягой засвидетельствовал, что часто это проверял.

[268] А поскольку слуга Божий горячо желал, чтобы и другие усердно хранили такую же целомудренность, он то и дело давал предписания и наставления относительно этого – как обобщённые, для всех; так и особые – для людей каждого рода [занятий и положения].

Итак, во-первых, тех, кто свершал таинство исповеди, блаженный отец увещевал слушать женщин не иначе, как через решётку, не всматриваться им в лицо и не завязывать с ними -слишком долгих бесед, если только не принуждает к тому какая-то великая польза духовная, и в таком случае приводить с собой сотоварища. При этом, даже если прежде не замечал никаких приступов искушения, нельзя слишком полагаться на свои силы, потому что многохитрый враг сей уловкой обманывает многих, низвергая их в конце концов именно тогда, когда им кажется, что им не грозит никакая опасность; при этом сначала [дьявол] подталкивает [к греху] более слабую сторону, то есть женщину, за чем сразу следует падение другой.

Посему, когда в нашу церковь зашёл некий священник (а святой, хоть и не видал никогда лица его, однако прекрасно прозревал его совесть), то позвал его к себе и сказал, что отнюдь не пристало – в особенности священнику – так близко общаться с женщинами, и посоветовал ему в дальнейшем так не поступать. Сказанное поразило гостя, и он с полной очевидностью уразумел, что Филиппу это могло стать известно только свыше. С того дня, проникнувшись к святому мужу глубоким почтением, он одумался и ступил на стезю исправления.

[269] А ещё он увещевал – прежде всего сынов своих – в любом возрасте, при любом уровне добродетели и непорочности, как бы ни было изнурено и ослаблено жалкое сие тело, ни в чём не полагаться на себя, но изо всех сил избегать хоть малейшей возможности согрешить, пока, по его выражению, ещё силы поднять веки. А его собственным примером он советовал не воодушевляться, ведь это всё-таки дар,

которым Бог изволил наделить его по безмерной своей сострадательности и несравненной щедрости.

Увещевал он их же, кроме того, чтобы исповеди от юношей они выслушивали тоже через решётку, дабы те могли непринуждённое обвинить себя, а то, чрезмерно страшась позора, они могут порой и умолчать о своих грехах.

Ну а самим юношам, если только хотят жить целомудренно, он предписывал следующее: избегать общества испорченных людей, не баловать своё тело негой и роскошью, никогда не бездельничать (итальянское «сладостное ничегонеделанье», *dolce far niente* (которое, конечно, могли себе позволить только люди состоятельные) было в своё время всемирно известным. – прим. пер.), усердно предаваться молитве и часто приступать к таинствам исповеди и евхаристии.

А всем в целом он проповедовал, что целомудрие подобает защищать смирением; что при падении других ни в коем случае не следует гневаться, но сострадать, ибо достаточно надёжно проверено, что всякий, кто не испытывает в такого рода случаях тревоги за других и сострадания, скоро тоже низвергнется. В конце концов в этом деле нет ничего, по его словам, опаснее, чем не бояться опасности.

[270] Некий юноша, прервав связь с одной безнравственной женщиной, вернулся к благой жизни и вверился руководству Филиппа, дабы тот направлял его своими советами. По прошествии не слишком долгого времени объяло его великое желание вернуть ту самую женщину от порочной жизни к достойному и здоровому поведению. Но случилось совсем иначе; ибо тот, кто осмелился обращать других, сам жалким образом пал и убедился на примере своего поражения, сколь истинно, что «Бог смиряет самонадеянных и хвастающихся своей доблестью» (ср. Вулг. Иуд. 6:15).

Из-за этого, поскольку совесть жгла его, точно калёным железом, он больше не осмеливался заходить в Ораторий, а так как предстать пред лицом Филиппа ему было чрезвычайно страшно, исповедь в своих проступках он совершил у другого [священника].

В итоге, благодаря содействию Божию, он снова пришёл к блаженному отцу. Был он тогда как раз со своими духовными сынами и, завидев того человека, тотчас же промолвил: «Есть такие, что, едва лишь только вкусят духа, убеждают себя, что сотворят какие угодно великие и преславные деяния и что весь мир обратят к Богу, но, осуетившись в помыслах своих (ср. Рим. 1:21), жалким образом падают, а затем, стыдясь попасться на глаза своему священнику и отцу, обращаются к другому». Заслышав сие, юноша побледнел, взволнованный бурей совести, и едва не лишился сознания. Но святой, по обыкновению погладив его по голове, унял трепет его дружелюбнейшими словами и вселил в него надежду и упование. Укреплённый таковым лекарством, юноша воспрянул духом и с той поры вновь стал ходить на обычные упражнения в Оратории.

[271] Сверх того он говорил, что лучшее средство для защиты целомудрия – искренне и добровольно открывать все помыслы священнику в таинстве исповеди, и что язва может быть быстро излечена, если врач обнаружит её сразу. Далее, и для стяжания, и для сохранения этой добродетели нужен опытный и искушённый духовник. Ну а в качестве как бы срочного средства он советовал всем, едва

почувствуют какое-либо искушение, немедленно обратиться к Господу и возопить словами Давида, чрезвычайно милыми древним отцам: «Боже! Поспеш на помощь мне; Господи! Не замедли помочь мне!» (Пс. 69:2. – пер. П. Юнгера); или так: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня» (Пс. 50:12).

А чтобы отогнать мороки ночные, он советовал благоговейно произносить гимн *Te lucis ante terminum* («К Тебе на закате дня»*, средневековый гимн комплетория. – прим. пер.).

И чуть ли не паче всего он внушал своим сынам духовным, что прочим порокам можно противостоять, а этот единственный, который одолевается бегством; и что в борениях плотских побеждают трусливые, то есть наименее отважные.

Сии и иные предписания Филипп время от времени давал своим ученикам, пользуясь коими, они с помощью Божией могли бы хранить вечную чистоту целомудрия.

* *Te lucis ante terminum,*
Rerum Creator poscimus,
Ut solita clementia
Sis præsul ad custodiam.

Procul recedant somnia,
Et noctium phantasmata;
Hostemque nostrum comprime,
Ne polluantur corpora.

Præsta, Pater omnipotens,
Per Iesum Christum Dominum,
Qui tecum in perpetuum
Regnat cum Sancto Spiritu. Amen.

(McGrath, George Warren. The Revision of the Hymns of the Roman Breviary under Urban VIII, Loyola University: 1939 – p. 103).

ГЛАВА XXI. ПОСТНИЧЕСТВО ФИЛИППА И ПРЕЗРЕНИЕ К БОГАТСТВУ

[272] Однако сии добродетели слуга Божий обрёл не без огромного труда и старания; не иначе как распяв плоть со страстями и похотями (ср. Гал. 5:24). Кроме того удивительного воздержания от пищи и питья, которого (как мы сказали

вначале) он придерживался в юности, впоследствии, по рукоположении в священнический сан, он стал каждый день либо держать пост до вечера, либо на полуденной трапезе съедал лишь кусочек хлеба, запивая его глотком предельно разбавленного вина, и то обыкновенно на ходу, а вечером, к остаткам того самого хлеба, что сохранился от короткого завтрака, не прибавлял совсем ничего, кроме салата из пригоршни сырых овощей и одного или, самое большее, двух яиц, поджаренных не на масле, а на воде; иногда ещё – свежее яблоко, но чаще довольствовался одним из этих блюд. Он никогда не едал ни сыра, ни молока, ни супов, редко рыбу, а мясо – совсем редко: только когда либо болезнь вынуждала его, либо из любезности приходилось разделить с кем-нибудь трапезу. Поэтому, если он на ходу вдруг видел мясные кушанья, то молча благодарил Бога в глубине души за то, что по милости Его совершенно не нуждается в таких угощениях. А когда он пребывал в обители Милосердия, то, если кто-либо из его учеников присылал ему мясных припасов, он тотчас же раздавал их клирикам, служившим там в храме.

[273] Хотя у него и так еды было меньше некуда, он из ничтожных своих паек ухитрялся ежедневно оставлять что-нибудь недоеденным; кусочки хлеба накапливались, и он часто угощал ими своих учеников, даже в неподходящее время, чтобы поупражнять их таким образом в добродетели [смирения]. А они нередко и сами брали их у него, чтобы передать другим, что настойчиво выпрашивали их, веруя в святость сего мужа.

Если же порой ему по настоянию врачей приходилось вкушать пищу повкуснее, он сетовал, что она ничуть не подкрепляет его, а сильно отягощает; так что его лишь насилу удавалось в итоге заставить поесть её. А за несколько дней до преставления от сей земной жизни просившим его позавтракать, он твёрдо ответил: «Завтрак (он имел в виду Евхаристию) уже был». Часто, когда ученики его спрашивали, почему он не ел, Филипп молвил в ответ: «Потому что забыл».

А обедал он в комнате один, собственноручно поставив для себя столик, ибо заботился о потребностях тела не без огромного стыда. В столовую же с нашими сотоварищами он не спускался, разве что очень редко, потому что уже давным-давно привык есть крайне скудно, а обычную для других пищу мог вкушать не иначе как с большими неприятностями для здоровья.

[274] В потреблении вина он также был предельно сдержан, причём пил только выдохшееся и так разбавлял его, что правильнее было бы назвать его водою, нежели вином. Часто и одною водой он утолял жажду, а пользовался фляжкой настолько маленькой, что в ней едва помещалась чашка жидкости. Пил он из стеклянного кубка, совсем дешёвого и старого, который в итоге подарил Джанантонио Луччио и по случаю сказал ему, что сам предпочитал пользоваться им многие годы ради того, чтобы усмирить собственную чрезмерно брезгливую натуру и как бы ярмом её обуздать.

Кроме того, один из таких же кубков, причём разбитый, поместили с великими почестями в серебряную раку в Кракове и провезли с торжественной пышностью через этот город, когда Филипп наконец был причислен Римской церковью к лику святых.

[275] Короче говоря, он питался столь скудно, что, по общему мнению врачей, при таком малоедении едва ли бы смог выжить иначе как при помощи свыше, а потому все считали несомненным, что сердце его и тело укреплялось и поддерживалось хлебом небесным, который он вкушал каждый день.

Правда, он настоятельно увещевал своих учеников не подражать ему в этом, приговаривая, что все, кто жизнь проводит в обществе других, столуясь вместе с ними, не должны ни в коем случае проявлять в еде привередливость и разборчивость. Поэтому послушникам Конгрегации он строго-настрого запрещал ученикам Конгрегации добиваться или выпрашивать для себя какой-то особой пищи (если только их к тому не вынуждала необходимость) и твёрдо постановил, что каждый должен довольствоваться тем, что предлагают. Ещё он терпеть не мог, чтобы кто-нибудь из его учеников посмел вкушать в иное время, кроме завтрака и ужина, а потому, когда некто однажды допустил такого рода проступок, откровенно сказал: «Право же, ты никогда не возрастёшь духовно, если не искоренишь порока сего!»

[276] Сну он тоже не особенно предавался: почивал не более четырёх или, самое большее, пяти часов – притом ещё и не подряд; ведь в ту пору, о которой мы рассказывали, он, пробуждаясь, изливал молитвы к Богу, а остаток ночи посвящал размышлениям о небесных благах и другим духовным упражнениям.

На убожество его обстановки и мебели можно и ныне посмотреть, ибо сохранилась кровать и столик, и прочие предметы, коими комната его была так обставлена, что от всего прямо-таки веяло христианской простотой и бедностью.

Отдых он себе давал почти глубоко ночью, при этом, хотя шёл спать последним из всех, а просыпался первым, если только вдруг ему не препятствовало плохое здоровье.

Одежду он носил дешёвую и плотную, которая, однако, не выделяла его в ряду приличных людей (при этом никаких шелков или иных подобного рода нарядов, в которых расхаживают щёголи и модники); грубые, свободные туфли; воротничок несколько широковатый.

Питаться и одеваться он предпочитал опрятно, если, впрочем, сие было легкодоступно и не стоило лишних усилий, а грязи, особенно в одежде, не выносил. Именно поэтому от него частенько доносилось известное изречение св. Бернарда: «Бедность мне всегда была по сердцу, а грязь – никогда».

[277] Вот так аж до последнего дня жизни восходил он по ступеням воздержания, а чем ближе виделся ему конец его, тем сильнее рвением он воспламенялся. И если кто-нибудь пытался удержать его, ссылаясь на преклонный возраст, в коем нельзя подвергаться такого рода чрезмерному постничеству, он тут же или переводил разговор в другое направление, или, по крайней мере, продолжал улыбаться, молвил: «Рай уготован не для трусливых».

А ведь раб Божий, хотя и был по отношению к себе чрезвычайно жёсток и суров, к другим относился гораздо снисходительнее и великодушнее; и не мог вынести, когда кто-нибудь из его учеников в своих духовных упражнениях брался за что-либо сверх меры и сил. «Часто лучше, – молвил он, – чуть-чуть перекормить тело, чем

недокормить. Ведь лишнее можно легко убавить, а когда тело ослаблено и обессилено недоеданием, его не так-то легко восстановить. Притом зачастую по ухищрениям дьявола случается так, что те, кто предался служению Божию, изнуряют себя «телесным упражнением», которое согласно апостольскому свидетельству «мало полезно», и, обессиленные этим, с трудом упражняются в благочестии, которое «на всё полезно» (1 Тим. 4:8), а то и, уstraшённые опасностью подорвать здоровье, покидают ратоборство Христово и возвращаются к мирским занятиям. По этой причине он гораздо выше ценил тех, кто, занявшись укрощением плоти поумереннее, старается подчинить разум и волю служению Христову, нежели тех, которые направляют всё внимание и все усилия на усмирение тела.

[278] Хотя он понимал, что внешняя бедность не очень сообразна с его родом деятельности, однако так искренне стремился к ней, что изо всех сил искоренял в себе всякую охоту владеть чем-либо. Именно потому (как мы сказали в самом начале), ещё будучи мирянином, он, отказавшись от очень богатого наследства дяди, жил крайне скудно и сурово. Позднее, облечённый священным саном, он неоднократно отказывался от огромного количества денег, что с прямодушной щедростью предлагали ему высокопоставленные мужи, а если иногда он по важным причинам и был вынужден что-то принять, всё полученное передаривал либо Церкви, либо нищим.

Однажды один из его учеников уговаривал его в конце концов заняться принадлежащим Филиппу владением, что находилось в Вальдарно, откуда происходит род Нери. А святой ему молвил в ответ «Впредь постерегись заговаривать с мною об этом!»

Когда он получил от некоего родственника письмо, извещающее, что его отец умер, не упомянув Филиппа в завещании, а записав наследницей [всего имущества] старшую дочь Катарину, то ответил, что считает дело решённым и полностью [таким оборотом событий] доволен, а законные права свои с величайшей охотой уступает сестре.

Мало того, Элизабетта, другая его сестра, решила назначить его наследником всего своего имущества, но он отказался, и склонить его уступить её желанию несмотря на повторяющиеся просьбы так и не удалось: он написал ей в ответ искренне и откровенно, чтобы поискала себе другого наследника, а сам он, мол, помышляет о наследстве гораздо лучше – нетленном и незапятнанном, хранящемся на небесах (ср. 1 П 1:4).

[279] В течение более чем шестидесяти лет, прожитых им в Городе, он никогда не соглашался принимать хоть что-нибудь от своих родственников, а когда однажды вышеупомянутая Элизабетта прислала ему несколько рубашек в подарок, он строго-настрого воспретил ей впредь присылать ему что-либо, впрочем, даже они не попали в его руки то ли по небрежности, то ли по злему умыслу того, кто должен был их доставить.

В то время в обители св. Иеронима было принято (а такой обычай сохраняется там и теперь) давать всякому пресвитеру, вступавшему в обитель, не только приличное жильё, но и ежемесячное пособие на пропитание и одежду. Ну а Филипп, довольствуясь одним жилищем, ничего сверх того не принимал.

О наследствах и завещаниях он всячески избегал даже слово слышать: именно так он воспринял совет апостола удерживаться от всякого образа зла (ср. Вульг. 1 Фес. 5:22). Итак, когда он приходил к больным, а те вдруг собирались писать завещание, он тотчас же удалялся и возвращался не ранее, чем узнавал, что всё кончено.

Винценцо Теккози, о ком было сказано в другом месте, в знак исключительной любви и почтения завещал ему без его ведома сто золотых и что-то ещё. Когда же Филипп проведал о том, то сразу же из наследника сделался душеприказчиком и всё отписал племянникам покойного.

[280] Также Костанцо Тассоне, один из первых, как мы говорили, учеников Филиппа, оставил ему по смерти изрядную сумму денег, но когда ему оставили соответствующую выписку из завещания, он сделал из этой бумажки крышечку для какого-то кувшина, случайно оказавшегося под рукой, и никогда не разрешал упоминать при себе об этом наследстве.

Тяжко заболел Просперо Кривелли, о котором мы рассказывали прежде, и по причине необычайной благосклонности, которую он питал к Филиппу, решил назначить его наследником всего своего имущества. Отец прослышал о том и, хотя прежде хаживал к нему каждый день, однако, сильно в связи с [завещанием] оскорбившись, не показывался у Просперо, пока не узнал, что он уже совсем при смерти (*de eo conclamatum esse*) – тогда только, принуждаемый братской любовью, пришёл. А болящий сразу ему: «По какой же, отче, причине, ты так ко мне запаздываешь? Я знаю, что врачи предрекли мне верную смерть, если случится очередной приступ лихорадки, что как раз и случилось». А тот ему в ответ: «Право же, сыне, не подумай, что раз я не навещал тебя оттого, что тебя позабыл, ибо я не пропустил ничего из того, что сделал бы, будь я каждый день при тебе. Но поскольку в Городе поговаривают, что ты назначил меня наследником, то вот и ясная причина, почему мне не хотелось идти к тебе; ибо я не ищу твоего, но тебя. Ну а дабы ты понял, что сказано сие мною правдиво и искренне, я прямо сейчас помчусь в базилику Св. Петра и буду крепко Бога молить, чтобы Он полностью восстановил тебе здоровье, а если никак иначе не будет получаться, попрошу у Господа сию болезнь твою [переложить] на меня». Сказав сие, он, едва удерживая слёзы, пожал ему руку и направился прямо в Ватикан. Короче говоря, в тот самый миг болящий вздремнул, а пробудившись вскоре, не без великого для всех удивления, выздоровел.

[281] В дальнейшем стремление к нищете в рабе Божиим возросло до такой степени, что ничего не было для него желаннее, чем лишиться всего, отчего он под напором великого духовного рвения молвил: «О, вот бы мне пришлось жить подаянием! О, вот бы дойти мне до такой нищеты, чтобы каждую лепту считал, чтобы в гроше нуждался, а не мог бы найти, кто подаст! Но превосходнейшим из благодеей божественных я лично счёл бы удел окончить жизнь в общественной богадельне». Сие и тому подобное истинный любитель бедности повторял снова и снова. Притом ещё даже те крохи, которыми он кормился, получал в качестве милостыни и как бы в подаяние от своих учеников!

По этой же причине он велел Антонио Галлонио убедить кардинала Федерико Борромео (скрыв, однако, что это Филиппово веление) отпускать ему ежедневно по буханке хлеба и несколько яиц, словно нищему. А поскольку не один лишь Борромео,

но также кардинал Агостино Кузано, по его примеру постарался его снабжать сверх того, то и кардинал Алессандро Монтальто в свою очередь стал доставлять ему вдосталь вина. Ещё он принимал в милостыню старые изношенные башмаки – от кардинала Алессандрино, а однажды сказал Франческо Боццио, члену нашей Конгрегации: «Франческо, я уже готовлюсь к смерти, поэтому всё, что ни есть в этом мире, из души изгоняю. Я хотел бы жить и умереть, как бедняк и нищий, а потому охотно перебиваюсь на подаяния от других».

[282] Такую же любовь к нищете и презрение к скоротечным благам Филипп старался внушить всем своим ученикам; если же вдруг примечал, что кто-либо из них пытается копить богатства, то полагал, что тот непременно вскорости уклонится с прямого пути добродетели.

И вот упрекнул он одного из них, чрезмерно усердного в накопительстве, такими словами: «Воистину, сыне, прежде чем ты склонился к обогащению, вид у тебя был прямо-таки ангельский; одно загляденье! А ныне переменилось лицо твоё, и, совлекши веселие, ты окутался скорбью. Присмотрись-ка к тому, чем занимаешься!» Сказанное крайне устыдило ученика, и с этого дня он полностью обратился к поискам благочестия.

Однажды он спросил у мирянина из нашей конгрегации (то был Эджидио Кальвелло, который до той поры вёл житие совершенно невинное, а почил в глубокой старости), не желает ли он денег. На что тот молвил: «Вовсе не желаю, отче!» Тогда Филипп ему: «Ну, коли так, я хочу, то давай-ка вместе двинемся к небеса – я самолично попробую тебя туда провести, но при том условии, что ты никогда не взалкаешь ни денег, ни земных богатств и будешь просить у Господа сего [бескорыстия] непрерывными молитвами».

И не сходило с уст святого речение, которое он повторял ученикам своим снова и снова: «Чем больше любви к творениям, тем меньше к Творцу».

[283] Франческо Дзадздзара, о котором мы упоминали выше, ещё будучи юношей, занялся изучением гражданских законов, здраво рассудив, что если получит блистательные познания в них, то ему откроется доступ к почестям и должностям. Между тем, его позвал к себе Филипп, а когда он пал в ноги ему, принял его чрезвычайно ласково и обратился с таковыми словами: «Ну и счастливчик! Едва только ты освоишь законоведческую науку, как, несомненно, пожнёшь плоды своих трудов! Ведь затем, ставши знатоком законов, ты благодаря своим познаниям сделаешь большое состояние и род свой возвысишь; затем сделаешься адвокатом, а там, глядишь, и архиереем...» Филипп перечислял одну за другой ещё и другие [должности], которые Франческо сможет когда-нибудь получить (и которые тот сам уже предвосхищал в душе); приговаривая раз за разом: «Ну и счастливчик! Тогда-то уж наверняка переведёшь дух». Сначала Франческо думал, что слуга Божий говорит это всерьёз и искренне. А отец, крепко юношу обняв, шепнул ему на ухо: «Ну и что затем?»

Эти слова так глубоко засели в душе у юноши, что, вернувшись вскоре [после разговора с Филиппом] домой, он повторял его слова про себя и вслух их произносил. «В самом деле, я усердно занимаюсь науками, чтобы стать великим – ну а что затем?» Когда же он серьёзно это обдумал, то, внезапно изменив свой замысел,

все свои заботы и помыслы обратил на служение Богу и вступил в нашу конгрегацию. С тех пор он проводил безупречнейшее житие, а несколько лет спустя удостоился соответствующей смерти. Это тот самый Дзадздара, который превосходно потрудился для того, чтобы Филиппа причислили к лику святых, и благополучно исполнил это великое и безусловно сложное задание.

Почти то же самое случилось с одним известным купцом, который также был Филипповым последователем. Так вот он после больших удач в торговле надеялся, что вскоре получит ещё больший бырыш сбережения, но когда обмолвился о том слуге Божию, тот молвил: «Ну и что затем?» Заслышав эти слова, купец тотчас же усовестился, добровольно отослал обратно торгового представителя, а потом вступил в ряды иерейские, где достойно себя проявил.

[284] Хотя он горячо желал бы видеть такое презрение ко всем имущественным делам в каждом из своих учеников, однако к членам Конгрегации был более требователен; чтобы постигать божественные истины им было как можно легче, он велел им жить, подобно воинам, с собственного жалованья (ср. Лк 3:14) и каждый год тратить свои доходы на благочестивые нужды, а также воздерживаться от имущества Конгрегации, как от чужого. Тех же, кто был поставлен выслушивать исповеди, Филипп наипаче увещевал «не прикасаться к кошельку кающихся» (как он выражался), ибо невозможно приобретать души одновременно с деньгами. При этом он неоднократно повторял: «Держитесь подальше от кошельков, ибо вы ищете души приобрести!» И зывал к чадам своим духовным словами апостола: «Я ищу не вашего, а вас» (2 Кор. 12:14).

И то помимо прочего он внушал всем нашим, чтобы они ни в коем случае не вмешивались в составление завещаний; потому что это дело в любом случае сопряжено с огромной завистью, даже если приступить к нему в духе совершенной святости: оно никогда не приведет к добродетели того, кто хоть сколько-нибудь занят жадным стремлением к богатству. Притом он уже давно узнал на опыте, что гораздо легче пробудить чувство долга и благосмыслие в тех, кто отвержен плотским наслаждениям, нежели в тех, кто занялся поисками достатка, и по этой причине всегда называл алчность всепагубной язвой душ.

Сверх того он добавлял: «Хотя именно Бог даёт вам многое, но следует особенно стеречься, как бы при изобилии вещей не оскудеть духом». Поэтому, если вдруг кто-нибудь из тех, что поскупей и поприжимистей, просил у него позволения поститься [строже], он возражал: «Ну уж нет! А вот милостыню подавай!»

Когда же Филипп видел нужду упрекнуть кого-нибудь в этом пороке обиняком, он при удобном случае вплетал в разговор сии [прибаутки]: «Кто хочет вещественного прироста, никогда не стяжает духа». Иногда ещё прибавлял: «Да избегает юноша обольщений плоти, а старец – любостыжания, и будемте святы!» Наконец, он считал, что ничто так не способствует благополучию христианского мира, как презрение к суетным делам, а потому дерзновенно заявлял: «Дайте мне десять человек, воистину презирающих всё суетное, и, смею надеяться, я целый свет приведу ко Христу».

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW